

ЛИТОВСКІЯ

СПЯХІЯЛЬНЫЯ

ВЪДОМОСТІИ
№ 5.

15 Марта

1869 года.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію съ пересылкой ПЯТЬ РУБ. СЕР.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СУНОДА.

Касательно обезпеченія сельскаго духовенства при вновь устрояемыхъ церквахъ.

По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Исправлявшаго должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 4 октября сего года за № 10,735, съ изъясненіемъ заключенія Хозяйственнаго Управ-

ленія по ходатайству преосвященнаго Костромскаго о назначеніи жалованья причтамъ вновь устроенныхъ церквей. И по справкѣ, Приказали: Принимая во вниманіе, что сумма, назначенная на содержаніе городского и сельскаго духовенства, разассигнована, и новаго назначенія въ виду не имѣется, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: сообщить Преосвященнымъ, чтобы, при открытіи новыхъ приходовъ, они имѣли въ виду обезпеченіе причтовъ собственными средствами прихожанъ и не рассчитывали на жалованье изъ Государственнаго Казначейства, и чтобы самое разрѣшеніе постройки церквей производилось не иначе, какъ по полученіи формальнаго условія о будущемъ обезпеченіи причта; о чемъ и дать знать по духовному вѣдомству циркулярными указами. Ноября 26 дня 1868 года.

Объ измѣненіи порядка въ представленіи распорядительными управленіями кредиторскихъ списковъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина исправляющаго должность Товарища Оберъ-Прокурора отъ 16-го ноября, за № 12,678, о томъ, что Государственный Контролеръ, по соглашенію съ Министерствомъ Финансовъ, признаетъ необходимымъ установить на будущее время, вмѣсто существующаго нынѣ порядка въ представленіи кредиторскихъ списковъ, такой порядокъ, чтобы распорядительныя управленія не представляли сіи списки въ Контрольную Палату, а доставляли бы ихъ въ одну Казенную Палату, въ двухъ экземплярахъ, съ тѣмъ, чтобы сія

послѣдняя Палата, разсмотрѣвъ и исправивъ эти списки отсылала ихъ въ казначейство, которое, дополнивъ списки неоплаченными ассигновками, передавало бы одинъ экземпляръ оныхъ въ Контрольную Палату. При этомъ предполагается установить, что только тѣ кредиторскіе списки будутъ признаваемы дѣйствительными, которые будутъ представлены въ Казенную Палату въ двухъ экземплярахъ. Приказали: О вышеизъясненномъ измѣненіи порядка въ представленіи кредиторскихъ списковъ дать знать, для должнаго руководства, по духовному вѣдомству печатными указами. Декабря 4 дня 1868 года.

О подтвержденіи къ исполненію указа Святѣйшаго Синода отъ 13 Іюня 1836 г., воспреещающаго устраивать столбы съ образами и кружками.

По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 14-го іюня сего года за № 2,823, съ приложеніемъ полученнаго отъ секретаря Владимірской Духовной Консисторіи донесенія о похищеніи крестьянами села Леднева денегъ изъ церковной кружки, помѣщенной въ каменномъ столбѣ близъ того села при большой дорогѣ. *Справка:* Въ 1836 году Генераль-Аудиторъ Военнаго Министерства, сообщая Синодальному Оберъ-Прокурору, что изъ числа военно-судныхъ дѣлъ, поступающихъ на ревизію Генераль-Аудиторіата, нѣкоторыя относятся къ похищенію изъ столбовъ, поставленныхъ съ образами какъ близъ церквей, такъ и въ немаломъ отъ нихъ разстояніи, равно при до-

рогахъ и даже вблизи питейныхъ домовъ, просилъ увѣдомленія о томъ, какъ признавать кражу изъ столбовъ, въ коихъ собираются деньги на церковь, святотатствомъ или кражею. Святѣйшій Синодъ, на основаніи дѣйствовавшихъ тогда узаконеній, признавъ святотатствомъ похищеніе денегъ изъ столбовъ, поставленныхъ съ образами какъ близъ церквей, такъ и въ немаломъ отъ нихъ разстояніи, равно при дорогахъ, указомъ отъ 13-го іюня 1836 года предписалъ епархіальнымъ начальствамъ, устроенные для сбора пожертвованій въ пользу церквей столбы повсемѣстно упразднить, и впредь устройство оныхъ воспретить, кромѣ того случая, когда въ бѣдномъ приходѣ предстоитъ постройка новой церкви, и таковой способъ сбора представляется необходимымъ, впрочемъ не иначе допустить этотъ способъ, какъ съ отнесеніемъ на обязанность священно-церковно-служителей и старосты церковнаго имѣть противъ могущей быть покражи всю нужную осторожность. Приказали: Въ предупрежденіе кражи денегъ изъ церковныхъ кружекъ, помѣщаемыхъ въ столбахъ, для сбора пожертвованій, подтвердить епархіальнымъ начальствамъ къ исполненію указъ Святѣйшаго Синода, отъ 13-го іюня 1836 года, о воспрещеніи устраивать столбы съ образами и кружками; о чемъ и послать по Духовному вѣдомству печатные указы. Декабря 12 дня 1868 г.

О размѣръ прогонныхъ денегъ Протоіереемъ.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 13-го прошлаго декабря, за № 13,522, о

томъ, что Его Императорское Величество Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его, Господина Оберъ-Прокурора, въ 10 день прошлаго декабря, Высочайше повелѣть соизволилъ: Протоіереямъ всѣхъ вообще епархій, при разъѣздахъ, назначать прогонныя деньги на три лошади, исключая Протоіереевъ, присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, коимъ прогоны назначать по прежнему на десять лошадей. *Справка:* Святѣйшій Синодъ, имѣя въ виду, что по штатамъ, Высочайше утвержденнымъ 27-го декабря 1867 года, раздѣленіе епархій на классы отмѣнено и принимая въ соображеніе, что, на основаніи ст. 480 Т. III. Уст. о служб. Прав. (изд. 1857 г.) при отправленіи къ должностямъ прогонныя деньги исчисляются не по мѣсту, на какое кто опредѣленъ, а по чинамъ и класснымъ званіямъ, въ коихъ каждый дѣйствительно состоитъ, опредѣленіемъ отъ $\frac{1}{16}$ ноября 1868 года предоставилъ Господину Синодальному Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества разрѣшеніе, чтобы протоіереямъ всѣхъ вообще епархій, при разъѣздахъ, назначать прогонныя деньги на три лошади, исключая присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, коимъ Прогоны назначать по прежнему на 10-ть лошадей. **П р и к а з а л и:** О высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи, изъясненномъ въ настоящемъ предложеніи, дать знать по Духовному вѣдомству, для руководства, печатными указами. Декабря 31 дня 1868 года.

Внушеніе духовенству въ указъ Св. Правительствующаго Синода, отъ 29 октября минувшаго 1868 г. за № 3272.

По производившемуся съ 1862 года дѣлу о неблаговидныхъ поступкахъ нѣкоторыхъ лицъ изъ рязанскаго духовенства, Св. Синодомъ опредѣлено: сдѣлать внушеніе духовенству, чтобы оно ни подъ какимъ видомъ не вмѣшивалось въ мірскія дѣла и не принимало бы на себя писанья кому бы то ни было просьбъ и всякаго рода дѣловыхъ бумагъ; а равно не дозволяло бы себѣ дѣлать какихъ-либо вымогательствъ и притѣсненій прихожанамъ при исправленіи христіанскихъ требъ.

(Ряз. Еп. Взд.)

Назначеніе на архіерейскую кафедру.

По всеподданнѣйшему докладу Святѣйшаго Синода, въ 21-й день января 1869 г. Всемилостивѣйше повелѣно быть преосвященному архіепископу Нижегородскому *Нектарію* архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ.

Утвержденіе въ долж. инспектора семинаріи.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 11 (18) декабря, постановлено: избранныхъ по большинству голосовъ въ общихъ собраніяхъ правленій пермской и воронежской духовныхъ семинарій на инспекторскія должности: въ первой изъ этихъ семинарій—наставника оной магистра священника Василія Огнева и въ послѣдней—наставника магистра Анастасія Ермоленко, утвердить въ сихъ должностяхъ.

II.

О качествахъ, необходимыхъ для истиннаго пастыря церкви, по учению слова Божія
(Иоан. 10, 1—16).

Изъ евангельской исторіи извѣстно, какъ фарисеи ненавидѣли І. Христа. Эта-то ихъ ненависть къ Спасителю была причиною того, что они тщательно слѣдили за ученіемъ и дѣлами Его, стараясь въ чемъ нибудь уловить и очернить Его предъ іудеями. Но никогда такъ сильно не выражалась эта безумная ревность фарисеевъ, высказывавшаяся при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ она обнаружилась по случаю исцѣленія Иисусомъ Христомъ слѣпорожденнаго. Видя въ этомъ событіи истинное чудо, они распекаются злобою противъ Чудотворца. Опасеніе потерять довѣренность іудейскаго народа всего болѣе беспокоило ихъ; признать же исцѣленіе слѣпорожденнаго за чудо и отдать Чудотворцу уваженіе, подобающее посланнику Божію—значило лишиться лестнаго названія всенародныхъ учителей. И такъ они призываютъ исцѣленнаго,—призываютъ родителей его, думая хоть что нибудь услышать отъ нихъ въ противность чудесному обстоятельству. Но всѣ ихъ старанія остаются тщетными. Это-то и удивительно, говорилъ прозрѣвшій-слѣпорожденный, что вы не знаете откуда Онъ, а Онъ отверзъ мнѣ очи..... Но слыханное ли дѣло, чтобы кто-когда отверзъ очи слѣпорожденному? Очевидно еслибы Онъ не былъ отъ Бога: то не могъ бы творить ничего такого (Иоан. 9, 30—34). Слѣдовательно, исцѣленный исповѣдуетъ Бога и изобличаетъ фарисеевъ въ ихъ несправедливости въ отношеніи къ І. Христу. За это они изгоняютъ его вонъ изъ своего сонмища и хулятъ невиннаго Чудотворца. И вотъ невинный Учитель торжественно обличаетъ фарисеевъ, называя ихъ слѣпыми вождями ослѣпленныхъ,— и притчею о дворѣ овчемъ и о пастырѣ

овецъ показываетъ качество истиннаго пастыря церкви; потомъ прилагаетъ эти качества къ себѣ, какъ истинному и верховному Пастырю заблудшаго человѣчества, — и тѣмъ оправдываетъ свое ученіе и свои дѣла отъ злобной клеветы фари́сеевъ, которые хотѣли подорвать всякую довѣренность къ нему народа, какъ истинному посланнику Божію. *Аминь, аминь, глаголю вамъ: не входяй дверьми во дворъ овчій, но прелазя инудъ, той тать есть и разбойникъ: а входяй дверьми, пастырь есть овцамъ* (1—2). Васъ почитаютъ, или лучше, вы-сами считаете себя вождями Израиля, какъ бы такъ говоритъ І. Христосъ фари́сеямъ; — но вамъ ли, жалкіе слѣпцы, величаться этимъ именемъ? — Оно не по праву принадлежитъ вамъ. Ибо истинно говорю вамъ:— «кто не входитъ открытымъ путемъ въ собраніе спасаемыхъ, — путемъ избранія и посвященія свыше, но прокрадывается, подобно вамъ, тайными путями корыстолюбія и любочестія, тотъ есть тать и разбойникъ: такой вступаетъ во дворъ овчій, или въ церковь не для назиданія и спасенія ближнихъ, а для соблазна и погибели ихъ». Истинный пастырь овцамъ тотъ, который входитъ дверьми, т. е. чрезъ дверь таинства,—свыше поставляется на дѣло руководить ввѣренныхъ ему людей къ Богу: *входяй дверьми Пастырь есть овцамъ*. Да научимся, мы, готовящіеся къ пастырскому служенію, смиренно покоряться всеблагой волѣ Божіей, отъ которой зависитъ участь и назначеніе cadaго изъ насъ. Да будемъ внимательны къ такому назначенію Божію. Если къ кому, то всего болѣе къ намъ имѣеть отношеніе это слово Спасителя! Имѣя желаніе быть пастырями церкви, мы должны прежде всего имѣть искреннее намѣреніе, вѣрнымъ исполненіемъ священныхъ обязанностей пастыря, составить счастье своихъ ближнихъ. Мы такъ еще не опытны, что легко можемъ обмануть самихъ себя. Чтобы не ошибиться въ своихъ надеждахъ, надобно имѣть испытанную мудрость,—потребна и твердость духа при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, какія мо-

гутъ намъ встрѣтиться на пути къ предполагаемой цѣли. Но мы сами въ себѣ еще не увѣрены; между тѣмъ санъ, къ которому мы готовимся, сколько важенъ, столько же и труденъ. Испушенія ожидаютъ насъ на каждомъ шагу. А потому каждый изъ насъ долженъ строго испытывать себя, чувствуетъ ли онъ въ себѣ призваніе высшее, способность и готовность къ прохожденію многотруднаго священнаго служенія, — и если чувствуетъ тайное влеченіе, долженъ строго наблюдать — не есть ли это искушеніе духа лестча..... Такое испытаніе необходимо для того, чтобы не быть въ священномъ званіи татемъ и разбойникомъ, который прелазитъ *инудь*.

Сему дверникъ отверзаетъ, и овцы гласъ его слышатъ, и своя овцы глашаетъ по имени, и изгонитъ ихъ (ст. 3).

Спаситель сказавъ, что истиннымъ пастыремъ называется только тотъ, кто входитъ чрезъ дверь избранія во дворъ овчій, далѣе говорить, что такому пастырю, какъ вѣрному служителю Божію, *дверникъ отверзаетъ, и овцы гласъ его слышатъ*. Кто же сей дверникъ, — и какъ онъ отверзаетъ?—Это есть самъ Духъ Святой, совершающій освященіе наше, ниспосылающій особенную благодать свою въ таинствѣ Священства на достойно входящаго пастыря. Чрезъ эту-то благодать онъ умудряется во спасеніе свое и ввѣренной ему паствы. Духъ Святой, надѣлившій его дарами своей благодати, самъ отверзаетъ ему святилище истинной мудрости для разумаго прохожденія пастырскаго званія. Отверзаетъ ему сердца людей, ввѣренныхъ его попеченію такъ, что они слушаются гласа, или слова его. Отверзаетъ и его собственное сердце, исполняя оное пламенной любви къ духовному стаду его и возбуждая въ немъ святую ревность къ его великому дѣлу. Посему онъ, какъ истинно-добрый пастырь, отечески заботясь о благѣ своихъ пасомыхъ, не только при общемъ собраніи ихъ въ храмъ Божіемъ назидаетъ всѣхъ словомъ благочестія, *но и по имени глашаетъ овцы своя*, т. е. каждому въ особенности, со-

образно съ его состояніемъ и различными потребностями духа, предлагаетъ въ приличное время,—что для него нужно и что истинно полезно. И такіе труды достойнаго пастыря, при помощи благодати Божіей, неостаются безъ успѣха: онъ *изгоняетъ овецъ* духовной пажити своей на плодотворную ниву добродѣтелей. Но руководствуя другихъ на пути ко спасенію, истинный пастырь не ограничиваетъ своей дѣятельности въ отношеніи къ своей паствѣ одними наставленіями:—онъ самъ предшествуетъ ей на пути духовнаго совершенства своимъ стараніемъ хранить себя въ чистотѣ богоугодной жизни, своею любовію и усердіемъ и неусыпною заботливостію объ образованіи ума и добраго сердца ввѣренныхъ ему людей.

И егда овцы свои ижденетъ, предъ ними ходитъ (ст. 4). Какъ добрый наставникъ, пастырь поощряетъ своихъ пасомыхъ къ дѣламъ благочестія примѣромъ собственнаго благонавія. Какъ нѣжный отецъ, онъ любитъ ихъ даже до готовности положить душу свою за нихъ,—и потому всячески старается объ ихъ благоденствіи и мирѣ, среди непрестанныхъ войнъ со врагами духовными и вражескихъ нападений на него со всѣхъ сторонъ. *И овцы по немъ идутъ, яко вѣдятъ гласъ его* (ст. 4). Овцы стараются подражать своему доброму пастырю; ибо гласъ его знакомъ имъ, и они всегда слушаютъ съ радостію, когда зоветъ ихъ пастырь—и стараются хранить его слово въ сердцѣ своемъ, ибо знаютъ, что оно *есть воля Божія благая и угодная и совершенная*. (Рим. 12, 2) ¹⁾.

(1) Какъ прекрасно, плодотворно и сильно можетъ пользоваться пастырь такимъ своимъ вліяніемъ на пасомыхъ! Онъ самыя огрубѣлыя сердца можетъ сдѣлать мягче воска,—любящими, послушными. Но къ сожалѣнію, перѣдко встрѣчается, что пастыри, занятые совсѣмъ чуждыми ихъ служенію дѣлами, не желаютъ пользоваться всею этою силою: ихъ гласы не раздаются въ храмахъ;—отъ того *овцы не вѣдятъ гласа ихъ*, не подражаютъ своимъ пастырямъ: онѣ (т. е. овцы) *по чуждему идутъ*, отъ того—въ привычкахъ ихъ много чужаго, т. е. противнаго ученію и практикѣ православной церкви,—въ понятіяхъ много суевѣрій и грубыхъ предразсудковъ. Не отвѣчаетъ ли за все это пастырь предъ Богомъ и совѣстію?...

При такомъ единствѣ и согласіи пастыря съ овцами духовной пажити его, не страшны усилія врага человѣческаго разторгнуть крѣпкую связь, соединяющую это благочестивое общество. Добрыя овцы, внимающія гласу своего пастыря, *по чуждему не идутъ, но бѣжатъ отъ него: яко не знаютъ чуждаго гласа.* (ст. 5). Напрасно бы старался нечестивецъ посѣять плевелы беззаконія на чистой многоплодной нивѣ Божіей. Напрасно бы старался вольнодумецъ и изувѣръ бросить сѣмя невѣрія и непослушанія власти въ стадо, тѣсно примкнувшее къ своему доброму пастырю. Руководимые гласомъ пастыря своего и вѣрно охраняемые опытнымъ жезломъ вѣры и пламенной любви его, добрыя овцы неубоятся нападенія отъ хищныхъ волковъ. Они умѣютъ отличить голосъ пастыря своего отъ гласа незнакомаго пришельца; ибо хорошо знаютъ своего пастыря по его дѣламъ и ученію,—и всѣмъ существомъ своимъ чувствуютъ присутствіе его съ собою.

Сію притчу рече имъ, т. е. Иудеямъ, Иисусъ Христосъ, желая показать, каковъ долженъ быть истинный пастырь церкви: Они же не разумѣша, что блже, яже глаголаше имъ (ст. 6). И вотъ І. Христосъ, изъясняя притчу свою непонявшимъ его Иудеямъ, прилагаетъ сказанное имъ въ притчѣ къ Самому Себѣ и доказываетъ, въ обличеніе фари́сейской несправедливости къ Нему, что Онъ есть не только истинный Пастырь, но и Верховный начальникъ, какъ пастырей церкви, такъ и пасомыхъ, т. е. всѣхъ вѣрующихъ,—есть *краеугольный камень*, на коемъ зиждется Его церковь.

Рече же пакы имъ Иисусъ: аминь, аминь, глаголю вамъ: яко Азъ есмь дверь овцамъ. Все, елико ихъ прииде прежде Мене, татіе суть и разбойници: но не послушаша ихъ овцы (ст. 7, 8). Эти слова І. Христосъ направляетъ противъ дерзкаго самохвальства фари́сеевъ. Вы превозносите священнымъ именемъ народныхъ учителей, какъ бы такъ Онъ говоритъ имъ, и въ безуміи своемъ дерзаете порицать

Меня: истинно говорю вамъ, Я-то и есмь истинный пастырь, такой пастырь, какого доселѣ еще не было на землѣ и не будетъ послѣ Меня; мало того,—Я есмь дверь, какъ для всѣхъ овецъ духовныхъ, такъ и для ихъ пастырей; Я есмь дверь для овецъ,—поелику овцы могутъ входить только именемъ Моимъ въ истинную церковь Мою—черезъ таинство крещенія;—Я есмь дверь для пастырей церкви, ибо они входятъ во дворъ овчій, т. е. въ церковь, единственно черезъ Меня. На сію рѣчь Спаситель естественно долженъ былъ ожидать отъ фарисеевъ такого возраженія: «Ты называешь Себя истиннымъ Пастыремъ людей и дверью пастырей и пасомыхъ; Но не есть ли это самохвальство? Ты еще молодъ, чтобы ставить себя въ примѣръ тѣмъ, которые уже состарѣлись надъ закономъ, много ли ты еще живешь на свѣтѣ?—у насъ были многіе почтенные старцы, возсѣдавшіе на престолѣ богоизбраннаго Аарона; тебѣ ли хвалиться предъ нами опытностію пастыря?»

И вотъ Спаситель, какъ бы отвѣчая на эту мысль фарисеевъ, говоритъ: *вси, елико ихъ прииде, прежде Мене, татіе суть и разбойници.* Напрасно вы, какъ бы такъ говоритъ Онъ, думаете оправдать и возвысить себя въ своихъ маститыхъ предшественникахъ: это были не пастыри, а тати и разбойники, вносившіе въ церковь Божию мерзость, хищенія и убійства. Я не говорю, что всѣ были таковы;—были и достойные пастыри, но Я не ихъ имѣю въ виду, а говорю о тѣхъ самолюбцахъ и честолюбцахъ, которые коварными происками и всякими незаконными средствами достигали Первосвященническаго сана. Они были волками въ одеждѣ мирныхъ пастырей, а потому недостойны и числиться въ порядкѣ Первосвященниковъ; *но непослушам ихъ овцы:* отъ дѣлъ ихъ они узнаны: никто не послѣдовалъ примѣру ихъ, ибо видѣли въ нихъ развратителей душъ человѣческихъ.

Обличивъ, такимъ образомъ, въ лицѣ фарисеевъ всѣхъ

прежде бывшихъ недостойныхъ преемниковъ званія Аарона и тѣмъ показавши фарисеямъ, что они сами не болѣе какъ тати и разбойники, Спаситель опять обращается къ прежней рѣчи своей: *Азъ есмь дверь: Мною аще кто внидетъ, спасетъ, и внидетъ и изыдетъ, и пажитъ обратитъ* (ст. 9). Это значить, что человѣкъ, вошедшій въ вертоградъ Божій или церковь, дверьми спасенія, т. е. чрезъ самаго І. Христа, получаетъ новую жизнь и новыя дѣйственныя силы.—Онъ свободенъ отъ насилій врага человѣческаго рода—дѣвола,—и руководится Духомъ Святымъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, постояннымъ храненіемъ себя въ чистотѣ мыслей и желаній, дѣлаясь достойнымъ такого благодатнаго водительства. Въ такомъ случаѣ онъ свободно *внидетъ*—войдетъ въ самаго себя—во внутренняго человѣка, чтобы приготовить изъ него достойный храмъ Духу Божію, живущему въ сердцахъ вѣрныхъ;—онъ свободно *изыдетъ*, руководимый благодатію, *на дѣло свое и на дѣланіе свое до вечера* (Пс. 103, 23), на дѣла милосердія и любви, изыдетъ съ словомъ спасенія къ погибающему брату: *сотворитъ и научитъ, и пажитъ обратитъ*. Человѣкъ, вошедшій въ церковь Христову, найдетъ здѣсь все, что нужно для истиннаго счастія. Сколько требуется отъ него заботъ и неусышной дѣятельности, столько же ожидается имъ и радостей на поприщѣ вѣры и крѣпкаго упованія: онъ соединяется со Христомъ, и въ немъ обрѣтаетъ вѣчную жизнь и спасеніе. Но не иначе можетъ человѣкъ достигнуть этихъ благъ, какъ чрезъ І. Христа, ибо Онъ есть дверь спасаемыхъ. *Тать не приходитъ, развѣ да украдетъ и убіетъ и погубитъ: Азъ придохъ, да живу и умру, и лишше умру. Азъ есмь пастырь добрый: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (ст. 10, 11). Эти слова Спасителя заключаютъ въ себѣ доказательство на то, что содержится въ предыдущемъ стихѣ и вмѣстѣ служитъ какъ бы основаніемъ истины, которая заключается въ стихѣ послѣдующемъ изъясняемаго

нами мѣста Писанія. Указавъ на себя какъ на единственную дверь спасенія для всѣхъ людей, І. Христосъ доказываетъ это тѣмъ, что Онъ пришелъ на землю—оживотворить человѣка, умерщвленнаго грѣхомъ. Воръ приходитъ для того, чтобы украсть, или убить и погубить: но Я пришелъ съ тѣмъ, чтобы возвратить человѣчеству жизнь, которую оно потеряло въ Адамѣ, оживотворить его и оживотворить съ избыткомъ. И такъ, если Я виновникъ жизни и спасенія всѣхъ, какъ бы такъ говорить Спаситель, то Мнѣ ли не имѣть права на имя Пастыря достойныхъ овецъ Моихъ.

Азъ есмь Пастырь добрый:—совершеннѣйшій образецъ Пастырей.—Доказательствомъ истины словъ моихъ служить та любовь, каковую Я имѣю къ человѣку: она простирается до готовности положить Мою душу за овецъ, вѣрннхъ Мнѣ отъ Отца Моего; а полагать душу за овецъ свойственно только истинному пастырю: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы.*

Наемникъ, иже исть пастырь, емуже не суть овцы своя, видитъ волка грядуща, и оставляетъ овцы, и бѣгаетъ: и волкъ расхититъ ихъ, и распудитъ овцы. А наемникъ бѣжитъ, яко наемникъ естъ, и не радитъ о овцахъ (ст. 12, 13). Добрый Пастырь, сказалъ І. Христосъ, душу свою полагаетъ за овцы. Не таковъ наемникъ: онъ не заботится о благополучіи и безопасности овецъ словеснаго стада Христова, потому что овцы не ему принадлежатъ. Дѣйствительно, тотъ пастырь, который не вошелъ въ церковь Христову законнымъ образомъ, а пролѣзъ какъ тать скрытными путями, не дорожить и не можетъ дорожить благомъ своихъ пасомыхъ. Ибо онъ въ такомъ случаѣ не управляется благодатію Духа Святаго, которая одна можетъ споспѣшествовать пастырю въ дѣлѣ служенія и которая одна только разогрѣваетъ сердце его горячею любовію къ ближнему. И овцы гласа его не слушаютъ, ибо знаютъ, что онъ неуполномоченъ для исполненія великаго

дѣла, которое принялъ на себя самовольно. Таковъ же и тотъ пастырь, который, хотя и законно получилъ священство, но своимъ нерадѣніемъ и небреженіемъ къ дѣлу теряетъ этотъ даръ и такимъ образомъ дѣлается татемъ, *презвѣвающимъ и нудъ*. И онъ, какъ чуждый пришлецъ, пролѣзшій во дворъ овчій, къ стыду и посрамленію сана своего, *волною своихъ овецъ одъвается* (Іез. 34, 3), а о благосостояніи ихъ не радить. Посему то, когда врагъ истины нападаетъ на овецъ, ложный пастырь, вмѣсто того, чтобы охранять ихъ до смерти, самъ первый бѣжитъ, оставляетъ овецъ своихъ въ добычу врагу, и врагъ расхищаетъ и расточаетъ беззащитныхъ. Худо быть нерадивымъ наемникомъ стада Христова. Но если слово Спасителя, обличающее нерадивыхъ наемниковъ стада Христова, собственно должно быть направлено противъ тѣхъ безстыдныхъ лжепастырей, которые осмѣливаются безъ рукоположенія, вопреки собственной совѣсти, принимать на себя святое званіе служителей Божіихъ,—каковы наши раскольники: это же самое слово Спасителя съ одинаковою силою можетъ быть направлено и противъ тѣхъ, которые, хотя и законно, но по видамъ своекорыстія, принявъ на себя столь высокое званіе, не радятъ о паствѣ и занимаясь дѣлами совершенно чуждыми ихъ служенію оставляютъ пасомыхъ безъ призора и наставленій. Они вдвойнѣ губятъ себя: съ одной стороны, какъ недостойно пріемлющіе званіе пастыря, а съ другой,—лишенные дара благодати, вводятъ въ соблазнъ и гибель другихъ.—Пусть же будутъ внимательны тѣ, которые готовятся къ званію священства!—Они должны проникнуться усердіемъ къ слову Спасителя, обличающему лжепастырей,—и сохранить его въ сердцѣ для пользы же своей; ибо и законному пастырю легко можно сдѣлаться наемникомъ, когда онъ будетъ не радѣть о своемъ дѣлѣ и худымъ примѣромъ развращать, а не назидать своихъ пасомыхъ.

Азъ есмь Пастырь добрый: и знаю мою, и знаютъ

Мя моя (ст. 14). Изобличая фарисеевъ, которые были наемниками въ званіи своемъ по отношенію къ іудеямъ, І. Христось указываетъ имъ въ себѣ Самомъ образецъ истиннаго Пастыря и какъ бы такъ говоритъ: «Я сказалъ уже вамъ, кто таковы наемники, теперь посмотрите на Меня, и научитесь различать людей по достоинству ихъ. Ваше недоброжелательство, которое, къ огорченію Моему, нахожу въ васъ, могло бы имѣть непріятныя слѣдствія для цѣли Моего ученія и Моихъ дѣлъ, однакожь не всѣ раздѣляютъ съ вами ненависть ко Мнѣ: много у Меня враговъ,—недоброжелателей, но немало найдется и истинно преданныхъ Мнѣ. Образъ жизни и дѣйствій Моихъ ясно даетъ знать имъ—кто Я таковъ;—и многіе вѣруютъ въ Меня и знаютъ, что я хочу спасенія человѣческаго, и о немъ единственно забочусь, и Я знаю овецъ своихъ, т. е. истинно преданныхъ Мнѣ,—знаю всѣ ихъ нужды и умѣю успокоить ихъ—доставить имъ полное блаженство.» Сказавши, что Онъ имѣетъ неоспоримое право на званіе Пастыреначальника духовныхъ овецъ, І. Христось въ подтвержденіе этого ссылается на божественное достоинство свое, говоря о своемъ единствѣ съ Богомъ по существу, и на свое посланничество отъ Отца.

Яко же знаетъ Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца: и душу Мою полагаю за овцы (ст. 15). Я болѣе всѣхъ существъ имѣю право на имя Верховнаго Пастыря людей, какъ бы такъ говоритъ Онъ, по праву Моего истиннаго происхожденія; ибо Я тотъ, Которому все обязано своимъ существованіемъ. Я равенъ по существу съ Отцемъ Моимъ, Котораго вы называете Богомъ истиннымъ. Какъ Онъ Меня знаетъ совершенно, такъ и Я совершенно знаю Его, знаю и волю Его превѣчную и свободно исполняю ее во времени, какъ Посланникъ Отца Моего. А воля Его состоитъ въ томъ, чтобы Я, какъ добрый Пастырь, душу Мою положилъ за овецъ Отца Моего, т. е. искупилъ бы ихъ своею кровію отъ рабства и тлѣнія. Посему-то Я имѣю сильное желаніе, поло-

жить Мою душу за овецъ, и предвижу его исполненіе:—
душу Мою полагаю за овцы (1).

И ны овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего: и тыя Ми подобаетъ привести, и гласъ Мой услышатъ: и будетъ едино стадо, и единъ пастырь (ст. 16). Предвидя конечное ожесточеніе многихъ іудеевъ, І. Христось какъ бы заранѣе отвращается отъ нихъ съ скорбію сердца. «Я предвижу»— такъ говоритъ Онъ іудеямъ,— «что для многихъ изъ васъ всѣ настоящія увѣщанія и обличенія Мои останутся бесполезными,— прискорбно будетъ Мнѣ видѣть васъ погибающими овцами дому израилева: но недумайте, чтобы ваше невѣріе могло остановить исполненіе превѣчной воли Отца Моего. Есть у Меня другія овцы, которыя теперь блуждаютъ въ разсѣяніи, но которыхъ Мнѣ подобаетъ привести къ истинной Церкви. Если вы непослушаете Меня, такъ они гласъ Мой услышатъ и совоюются въ одно стадо Мое, и Я буду ихъ единственный Пастырь, и приведу ихъ къ Отцу Моему, и *радость вѣчная будетъ надъ главою ихъ*. (Ис. 35, 10).

Изъ притчи Спасителя о дворѣ овчемъ и входящихъ въ него, мы узнаемъ какія качества необходимы для истиннаго пастыря Церкви. Это прежде всего—чистая безкорыстная любовь къ пасомымъ, бдительность и радѣніе о счастіи ихъ. Эти качества требуются на всякой службѣ человѣческой: тѣмъ болѣе здѣсь, въ этомъ священномъ званіи. Но онѣ сами собою не являются и не рождаются въ человѣкѣ: нужно заранѣе приготовить себя, развить свой умъ и сердце, чрезъ тщательное усвоеніе св. истинъ

(1) Очевидно, І. Христось крестную смерть свою поставляетъ здѣсь непремѣннымъ условіемъ верховнаго своего пастырства. Въ такой же тѣсной связи и Апостоль Павель представляетъ смерть І. Христа съ великимъ Его дѣломъ—Пастыря душъ, когда говоритъ: *Богъ мира, возведенный изъ мертвыхъ пастыря овцамъ великаго кровію завета вѣчнаго, Господа нашего І. Христа, да совершитъ вы во всякомъ днѣ блазнь, сотворити волю Его*. (Евр. 13, 20. 21).

Вѣры и правилъ доброй нравственности: вотъ путь къ достиженію этихъ качествъ! Ищущій пастырскаго служенія, пусть твердо и неослабно идетъ этимъ путемъ, дабы въ послѣдствіи быть истиннымъ и добрымъ пастыремъ.

Помощникъ Смотрителя Кобринскаго училища *А. Родосскій*.

III.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ журналовъ учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ съ отзывами объ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ, признаваемыхъ полезными въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ.

(Продолженіе).

5. По Исторіи Русской Словесности.

Преподаваніе исторіи Словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ послѣднее время подвергалось довольно сильному колебанію. Прежнее краткое систематическое изложеніе ея ограничивалось большею частію перечисленіемъ всѣхъ, по возможности, писателей и важнѣйшихъ ихъ сочиненій, безъ особенно обстоятельнаго изученія представителей главныхъ эпохъ въ ея развитіи. Если же при этомъ довольствовались только приговорами учебника о значеніи писателя и ученики сами лично не изучали его произведеній, по крайней мѣрѣ наиболѣе выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ, въ такомъ случаѣ исторія Словесности дѣйствительно не достигала своей цѣли—разъясненія, какъ выразился духъ народный въ словесномъ искусствѣ въ послѣдовательномъ своемъ развитіи; ибо такое ученіе ограничивалось преимущественно внѣшнею стороною, второстепен-

ными знаніями въ исторіи Словесности, которая походила болѣе на рядъ біографій съ бібліографическими замѣтками. Таковы были учебники: *Греча* и въ недавнее время *Зеленецкаго*. Для избѣжанія этого недостатка—сухости и поверхностности изложенія, признали за лучшее не проходить всей исторіи Словесности, а ограничить ея изученіе нѣсколькими сочиненіями важнѣйшихъ ея представителей и избранныя сочиненія разсмотрѣть во всѣхъ отношеніяхъ. Это новое направленіе имѣетъ огромное преимущество предъ прежнимъ въ томъ, что разъясняетъ ученику значеніе прочитаннаго и разносторонне разобраннаго въ классѣ сочиненія какой либо эпохи, но при этомъ можетъ остаться неуловимою связь и преемственность идей и идеаловъ, способовъ изложенія и выраженія въ словесныхъ произведеніяхъ разныхъ временъ, что въ исторіи Словесности также должно имѣть свое и притомъ самое видное мѣсто. Изъ слѣдующихъ трехъ сочиненій по исторіи Словесности только трудъ г. Петрова принадлежитъ къ первому направленію.

1) «*Курсъ исторіи Литературы (862—1862) съ бібліографическими указаніями*» К. Петрова (Спб. 1867 г. стр. 186, XIII) обнимаетъ всю исторію Русской Словесности на незначительномъ числѣ страницъ. Самую лучшую черту въ этомъ учебникѣ представляетъ отдѣленіе народной словесности отъ книжной, проведенное по всему древнему періоду исторіи до XVIII в. На это прежде не обращали почти никакого вниманія и отдѣлъ народнаго творчества не получалъ должнаго себѣ разъясненія въ исторіи Словесности; да и у г. Петрова онъ представленъ лишь въ общихъ чертахъ, въ указаніяхъ на тѣ или иныя народныя произведенія безъ разбора болѣе характеристическихъ изъ нихъ, какъ и отдѣлъ книжный. Въ послѣднемъ отдѣлѣ только у Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова и Гоголя указаны идеи нѣкоторыхъ ихъ произведеній и характеры лицъ. Эта общность приговоровъ неподкрѣпленныхъ доказательствами сильно вредитъ основательности и убѣдительности изложе-

нія и для учебника вовсе не годится; ибо можетъ приучить ученика къ поверхностному взгляду на дѣло даже и въ томъ случаѣ, если бы не сопровождалась не совсѣмъ вѣрными сужденіями о характерѣ писателей. Но отзывы г. Петрова особенно о нѣкоторыхъ произведеніяхъ А. Пушкина и Крылова, *не безукоризненны*. Стр. 101 наприм. говоритъ: «Другая эпоха, къ которой любилъ обращаться Пушкинъ, была эпоха Петра Великаго. Сюда относятся поэмы *Полтава* и повѣсти *Мѣдный всадникъ* и *Арапъ Петра Великаго*. Достоинство двухъ первыхъ заключается преимущественно въ пластичности и сжатости слога и въ прекрасныхъ описаніяхъ, но въ развитіи идеи тоже много противорѣчій.» Здѣсь 1) приговоръ главнымъ образомъ основанъ на слогѣ, тогда какъ о слогѣ рѣчь должна быть послѣднею; 2) слогу придана пластичность, но при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній пластичность признаютъ не въ слогѣ, а въ способѣ изображенія предмета, представляемаго въ очертаніяхъ вполне оконченныхъ, рѣзко выдающихся, вышуклыхъ, полныхъ жизненныхъ свойствъ, какъ въ пластикѣ фигуры; 3) словами: «въ прекрасныхъ описаніяхъ» ровно ничего не сказано въ отвѣтъ на неизбѣжный вопросъ: въ описаніяхъ чего же? 4) не указаны ни идея, ни образы, ни событія, въ которыхъ идея воплощена поэтомъ, и потому 5) болѣе нежели странно было бы слышать отъ усердно выучившаго это мѣсто ученика, что *въ развитіи идеи* у лучшаго нашего поэта *много противорѣчій*, которыя между тѣмъ не указаны. На стр. 100 отзывъ о драмѣ Пушкина «Борисъ Годуновъ» также общъ и бездоказателенъ. Въ началѣ его сказано, что «драма эта написана подъ вліяніемъ Карамзина, изъ исторіи котораго Пушкинъ взялъ и идею и многія подробности, но въ приѣмахъ развитія подражалъ геніальному художнику Шекспиру,.... Изображаемое событіе взято изъ эпохи хорошо намъ извѣстной и по этому (?) въ драмѣ невольно видимъ противорѣчіе, напр. между поступками Бориса и нравственнымъ его

состояніемъ, между идеею поэта и исторіею.» Здѣсь 1) подражаніе Шекспиру слишкомъ рѣзко выставлено, ибо нѣтъ прямыхъ доказательствъ на это; допускаютъ подражаніе на основаніи тожества или сходства между произведеніями, а этого нѣтъ на дѣлѣ, да и выше уже сказано, что *идея и многія подробности* взяты изъ исторіи Карамзина, а не изъ Шекспира. 2) Въ подражаніи обыкновенно до нѣкоторой степени не строго вѣрнымъ создается предметъ; ибо создается по образу другаго, а не по родовымъ своимъ свойствамъ. По этому не вѣренъ приговоръ, что «въ описаніи дѣйствій Бориса и Самозванца Пушкинъ подражалъ Шекспиру,» ибо подробнѣйшее сличеніе мыслей и дѣйствій этихъ лицъ у Пушкина и у Карамзина представляетъ поразительное тожество, а приемы развитія у Пушкина, какъ и у всякаго сильнаго дарованія, самостоятельны и столько же сходны съ приемами Шекспира, какъ у Гете, Софокла и др. 3) Странно заключеніе, что въ драмѣ невольно видимъ противорѣчія, потому что событіе взято изъ эпохи *хорошо (?) намъ извѣстной*. 4) Противорѣчіе между поступками Бориса и нравственнымъ его состояніемъ на дѣлѣ не доказано и нѣтъ основаній доказать его. Наконецъ 5) мысль о противорѣчии между идеею поэта и исторіею сама представляется разнорѣчіемъ, ибо выше сказано самимъ г. Петровымъ, что идея и многія подробности взяты поэтъ изъ исторіи Карамзина; если же здѣсь подь исторіею авторъ разумѣетъ мнѣніе новѣйшихъ историческихъ изслѣдователей о смерти Царевича Дмитрія, не обвиняющихъ въ ней прямо Бориса, какъ это представилъ Пушкинъ согласно съ Карамзинымъ; то и въ такомъ случаѣ нѣтъ прямого противорѣчія, ибо они и не оправдываютъ его совершенно. Къ такимъ недоказательнымъ мѣстамъ можно прибавить еще сказанное г. Петровымъ на стр. 75, что «для сужденія о достоинствѣ перевода (Одиссеи, Жуковскаго) у насъ есть очень вѣрныя данныя», но гдѣ эти данныя и какія онѣ, — ни выше, ни ниже, и нигдѣ ничего объ этомъ не сказано.

Отзывъ о басняхъ И. Крылова не имѣеть твердаго основанія. «Басни Крылова, говоритъ г. Петровъ на стр. 81, касаются недостатковъ общественныхъ, но не собственно русскихъ, а общечеловѣческихъ, о которыхъ говорятъ и Эзопъ, и Федръ, и Лафонтень, и Сумароковъ. Самому взгляду его на общественную жизнь недостаетъ серьезности (?), какъ показываютъ басни: *Два голубя, Сочинитель и разбойникъ, Водолазы*. Мораль двухъ послѣднихъ очень проста, а идея первой лично принадлежала Крылову, который боялся всякихъ тревоженій и, подобно Обломову, любилъ дома лежать на диванѣ.» Здѣсь 1) не вѣрно отрицаніе въ басняхъ Крылова русскаго содержанія, ибо въ большинствѣ его басенъ образы и картины взяты изъ русской природы съ чертами русской общественной жизни. 2) Странно было бы изъ устъ ученика слышать, что взгляду Крылова на общественную жизнь недостаетъ серьезности и довольствоваться доказательствами на то со стороны только трехъ поименованныхъ басенъ, изъ которыхъ въ двухъ послѣднихъ мораль проста, а идея первой будто бы лично принадлежитъ Крылову. При этомъ не объяснено, въ чемъ же состоитъ простота морали и какъ доказывается ею недостатокъ серьезности во взглядѣ поэта на общественную жизнь. Что же касается до того, будто идея первой принадлежитъ лично Крылову, это совершенно ложно, ибо басня эта взята у Лафонтена и воспроизведена на русскомъ языкѣ даже не однимъ Крыловымъ, а раньше его; слѣд. указаніе на обломовщину здѣсь вовсе неумѣстно. Далѣе на стр. 82, указавъ на художественность, какъ на главное достоинство басенъ Крылова, г. Петровъ не признаетъ возможнымъ приписать имъ въ такомъ же обширномъ смыслѣ *народность*, потому будто бы, что поэтъ «взявъ образы изъ народныхъ сказокъ, многія черты животныхъ отбросилъ, и внесъ *такія, которыя не натуральны*, напр. представилъ Льва охотника до куръ. «Черезъ это разсказъ, очень близкій къ народной сказкѣ,

«лишился своей *наивности*, и этот недостатокъ невольно «бросается въ глаза. Звѣриный міръ, изображаемый у насъ «рода *просто и естественно* со всѣмъ разнообразіемъ его «природныхъ свойствъ; у Крылова обозначенъ *немногими избранными* чертами необходимыми для сатиры. Вліяніе «классицизма въ басняхъ очень замѣтно и поражаетъ тѣмъ «непріятнѣе, чѣмъ сильнѣе русскій элементъ.» Здѣсь 1) изложеніе нѣсколько непослѣдовательно, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ; 2) съ лишеніемъ наивности въ рассказѣ басни будто бы слабѣетъ и народность его; но наивность не такая же важная черта въ народномъ рассказѣ, чтобы она одна могла придавать ему народность или лишать оной; 3) по одной баснѣ сдѣлано заключеніе, что поэтъ придалъ животнымъ черты ненатуральныя; 4) эти ненатуральныя черты признаны, однакожь, избранными, т. е. наиболѣе подходящими или къ свойствамъ животныхъ, слѣд. самыми натуральными, или къ цѣли разсказа, слѣдовательно въ аллегоріи. Онѣ, какъ избранныя, пригодны вести читателя къ выводу естественнымъ путемъ, ибо ненатуральныя черты не могутъ способствовать этому; 5) вліяніе классицизма въ этихъ басняхъ Крылова выставлено слишкомъ рѣзко.

Во всей статьѣ о Крыловѣ не указано на самостоятельныя басни и на характеръ переводныхъ, на значеніе тѣхъ и другихъ и не разобрана ни одна изъ нихъ. Отсюда неполнота, непрактичность, кромѣ несостоятельности нѣкоторыхъ приговоровъ, невыдержанности ихъ и нѣкоторыхъ противорѣчій.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вмѣсто прямого объясненія литературныхъ данныхъ, представлены г. Петровымъ разсужденія по поводу этихъ данныхъ, не уясняющія ихъ свойствъ. Напр. на стр. 9 авторъ говоритъ, что рядомъ съ эпосомъ народа существовалъ у насъ эпосъ дружины, что онъ не сохранился въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, но «слѣды «его легко отыскать на первыхъ страницахъ нашихъ лѣ-

«тописей, гдѣ повѣствователь видимо увлекался дружинными началами.» Въ хитрости и лукавствѣ В. Кн. Олега, В. Кн. Ольги и въ воинственности В. Кн. Святослава г. Петровъ видитъ идеалы дружиннаго эпоса. По поводу этихъ данныхъ онъ объясняетъ, что такое была дружина, почему хитрость славилась въ древности и какова была воинственность Святослава. Всѣ эти разсужденія на двухъ страницахъ сами по себѣ и вѣрны, но къ исторіи Словесности вовсе не относятся, тѣмъ менѣе умѣстны въ краткомъ обзорѣ ея и по поводу мнимаго дружиннаго эпоса. А такія уклоненія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, напр. на стр. 23, 24, 47, 50 и др.

Указавъ въ сочиненіи Петрова на недостатки изложенія нѣкоторыхъ данныхъ исторіи русской Словесности, болѣе или менѣе важные для учебника, нельзя рекомендовать его за руководство вполне удовлетворительное; но, принимая въ соображеніе: а) возможность исправленія и пополненія труда г. Петрова мѣстными наставниками изъ нижеуказанныхъ пособій; б) полноту сочиненія г. Петрова, обнимающаго предметъ съ древняго времени до новѣйшаго; в) отсутствіе какой либо другой теоріи словесности болѣе годной для употребленія въ семинаріяхъ, можно бы и означенный курсъ исторіи литературы г. Петрова допустить къ употребленію въ семинаріяхъ, какъ временное руководство, въ ожиданіи лучшаго учебника.

II) Въ слѣдующихъ двухъ сочиненіяхъ подъ заглавіемъ: *Опытъ разбора образцовъ русской Словесности, заключающихся въ программѣ для желающихъ поступить въ Императорскій Московскій Университетъ. Изв. Соснецкаго* (М. 1867 г. стр. 244) и *Пособіе при изученіи образцовъ русской Литературы, Андрея Попова*. (М. 1867) нѣтъ полной систематической исторіи Словесности; каждое изъ нихъ ограничивается только немногими сочиненіями меньшаго числа писателей. У г. Попова напечатанъ текстъ трехъ былинъ (объ Ильѣ Муромцѣ двѣ и о Садко),

пять мѣстъ изъ Нестора, Слово о полку Игоревѣ. Подъ чертою текста приложены филологическія объясненія весьма дѣльныя. При каждомъ отдѣлѣ помѣщены историческія замѣтки о характерѣ его произведеній. Эти то замѣтки, долженствующія замѣнить собою исторію Словесности, представляютъ много дѣльныхъ свѣдѣній, хотя и нельзя признать ихъ вполне удовлетворительными. Въ первомъ наприм. отдѣлѣ не объяснено отношеніе былины къ сроднымъ ей формамъ поэзіи; нѣтъ тамъ указаній на отличительныя черты былины въ историческомъ отношеніи. Древній періодъ этимъ и ограниченъ: Кирилль Туровскій, Геннадій, Іосифъ, Ниль Сорскій, Домострой, Кошихинъ, Посошковъ и др. должны остаться вовсе неизвѣстными ученику. Далѣе напечатаны тексты нѣкоторыхъ сочиненій слѣдующихъ писателей съ біографическими свѣдѣніями объ авторахъ и разборомъ приведенныхъ мѣстъ изъ сочиненій Ломоносова, Державина, Карамзина, Крылова, Жуковского, Пушкина и Гоголя. Въ *Бригадиръ* и въ *Недоросль* Фонъ-Визина указаны только идеи и главныя черты характеровъ безъ текста. Выборъ сочиненій довольно удаченъ для характеристики писателя и его вѣка; біографическія свѣдѣнія о писателяхъ и характеристики ихъ можно признать удовлетворительными для предположенной авторомъ цѣли. Лучшею частію въ сочиненіи все таки остается разборъ языка въ первомъ отдѣлѣ. При всѣхъ хорошихъ свойствахъ, это сочиненіе не заключаетъ по возможности связнаго обзора исторіи Словесности. Въ древнемъ ея періодѣ вовсе не затронуты упомянутые выше писатели и сочиненія ихъ, въ высшей степени замѣчательныя по отраженію въ нихъ жизни народной. Изъ новаго періода нѣтъ очерка эпической поэзіи и трагической съ драмою до Пушкина, вовсе нѣтъ представителей ученаго направленія и народнаго въ XVIII и XIX в., какъ бы слабо оно ни проявлялось. Крыловъ представленъ безъ связи съ предшествовавшими баснописцами. Все это пробѣлы въ изложеніи

г. Попова, но и въ настоящемъ видѣ его сочиненіе можетъ служить пособіемъ для наставника въ ожиданіи лучшаго.

III. Въ трудъ *Ив. Соснеукаго* вошли тѣ же писатели, съ прибавленіемъ Грибоѣдова, и разсмотрѣны почти только тѣ же ихъ сочиненія съ дополненіемъ немногихъ другихъ. Но у него не напечатанъ текстъ разбираемыхъ сочиненій, какъ это сдѣлано г. Поповымъ: объясненія же характера литературныхъ произведеній и ихъ оцѣнка нѣсколько слабѣе. Впрочемъ и въ настоящемъ видѣ это сочиненіе можетъ быть не бесполезно для библіотекъ семинарій.

Пособіями при изученіи исторіи русской Словесности могутъ служить:

- 1) *Исторія русской Словесности древней и новой г. Галахова т. 1-й.*
- 2) *Исторія русской Словесности Шевырева.*
- 3) *Столѣтіе русской Словесности Мизко.*
- и 4) *Историческія хрестоматіи Галахова и Буслаева.*

IV.

14-е февраля въ Петербургѣ.

По словамъ *Голоса*, празднованіе тысячелѣтія кончины просвѣтителя Славянъ, Св. Кирилла, совершилось въ Петербургѣ съ необыкновенною торжественностію. День этотъ былъ праздничнымъ днемъ почти для всѣхъ столичныхъ учебныхъ заведеній, воспитанники которыхъ были уволены отъ занятій.

Торжественное богослуженіе въ Исакиевскомъ соборѣ началось ровно въ 10 часовъ. Громадный храмъ былъ полонъ народа. За рѣшетку, отдѣляющую переднюю часть храма по амвонъ, допускались только получившіе особыя приглашенія отъ Славянскаго

Благотворительнаго комитета, и все это пространство было совершенно наполнено представителями высшей администраціи въ парадныхъ мундирахъ, дамами, представителями литературы, науки, искусства и т. д. Въ рѣшетѣ толпились массы богомольцевъ, явившихся въ храмъ по собственному побужденію. Хоругвь Свв. Кирилла и Меѳодія высилась направо отъ амвона и при ней стоялъ ея соорудитель, неутомимый поборникъ славянской идеи, слѣпецъ Ширяевъ. Литургію совершалъ преосвященный Палладій, викарій С.-Петербургской епархіи. Проповѣдь говорилъ ректоръ Петербургской духовной академіи, о. Янышевъ.

По окончаніи обѣдни началось торжественное молебствіе Св. Кириллу. Оно совершалось съ небывалымъ, со времени освященія Исакиевского собора, торжествомъ. Три митрополита (с.-петербургскій, московскій и кіевскій), три архіепископа, въ томъ числѣ преосвященный литовскій Макарій, и до тридцати архимандритовъ, протоіереевъ и священниковъ въ праздничномъ, золотомъ облаченіи, служили соборнѣ это молебствіе, представлявшее, по своей обстановкѣ, совершенно особое, величественное зрѣлище, достойное памяти великаго просвѣтителя Славянъ.

Громадныя толпы народа, не попавшія въ соборъ, собрались на Исакиевской площади. Необычайная торжественность богослуженія, собраніе столькихъ высшихъ іерарховъ русской православной церкви въ простой, непраздничный день, должны были, конечно, возбудить интересъ и въ тѣхъ, кому неизвѣстно было всеславянское значеніе праздника. Въ народѣ

нашлись впрочемъ люди, объяснявшіе другимъ, кто былъ Св. Кириллъ и чѣмъ ему обязаны Россія и все славянство.

Изъ собора лица получившія пригласительные билеты на духовное пѣніе въ придворной пѣвческой капеллѣ отправились въ зданіе этой капеллы. Здѣсь собралась блестящая и многочисленная публика, на устроенное директоромъ капеллы, г. Бахметевымъ, „Торжество въ память тысячелѣтія по кончинѣ святи- теля Кирилла, просвѣтителя Славянъ“ (какъ было сказано на изящно отпечатанной славянскими буквами программѣ, служившей въ то же время входнымъ биле- томъ). Торжество это состояло изъ церковныхъ пѣ- сенъ и гимновъ. Церковныя пѣсни были исполняемы по самымъ древнимъ „распѣвамъ:“ греческому, серб- скому, болгарскому, кievскому, столповому и такъ- называемому простому.

На пѣніи въ придворной капеллѣ присутствовала Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Алек- сандра Петровна.

Вечеромъ, въ 9 часовъ, происходило торжествен- ное засѣданіе Славянскаго Благотворительнаго коми- тета. Оно открылось заявленіемъ предсѣдателя, А. Ѳ. Гильфердинга, о томъ что въ память тысячелѣтія кончины Св. Кирилла, петербургскими членами Сла- вянскаго Благотворительнаго комитета учреждается *Кирилловская премія*.

По заявленіи затѣмъ о нѣсколькихъ значитель- ныхъ пожертвованіяхъ въ пользу Славянскаго коми- тета, графъ Голенищевъ-Кутузовъ предложилъ устрой- ство Кирилло-Меѳодіевской бібліотеки и читальни

при ней. Положено разсмотрѣть средства къ осуществленію этого предложенія въ особой комиссіи. Наконецъ, по предложенію О. Ө. Миллера о необходимости ознаменовать память Св. Кирилла содѣйствіемъ образованію русскаго простаго народа, положено ежегодно 11-го мая, въ день празднованія церковію памяти Свв. Кирилла и Меѳодія, производить особый сборъ съ цѣлью посильнаго вспомошествованія народнымъ русскимъ школамъ. Первый сборъ, произведенный велѣдъ за этимъ предложеніемъ далъ 323 рубля.

Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, по словамъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, устроило 14-го февраля особое засѣданіе, къ которому были приглашены всѣ дѣйствительные члены Академіи, а также корреспонденты отдѣленія и почетные члены его.

Чтеніе, приготовленное къ этому засѣданію академикомъ Срезневскимъ, касалось трехъ главныхъ явленій, которыми обозначился подвигъ Константина Философа (Св. Кирилла): 1) введенія греко-славянской азбуки; 2) введенія у Славянъ одного общаго языка церкви и просвѣщенія; 3) утвержденія въ этомъ языкѣ многихъ основныхъ выраженій или изображенія отвлеченныхъ понятій. Велѣдъ за чтеніемъ г. Срезневскаго академикъ Гротъ заявилъ о двухъ сдѣланныхъ приношеніяхъ: 1) предъ самымъ засѣданіемъ членъ Отдѣленія, архіепископъ Макарій литовскій и виленскій, отправляясь на богослуженіе въ Исакіевскій соборъ, могъ лишь на нѣсколько минутъ посѣтить залу собранія и при этомъ лично общилъ для передачи сочленамъ второе изданіе своей

книги: *Исторія христіанства въ Россіи до равносто-
 столнаго князя Владиміра*, и слово, произнесенное
 имъ въ Вильнѣ при вступленіи на новую епархію.
 Въмѣстѣ съ тѣмъ высокопреосвященный поручилъ вы-
 разить собранію полное сочувствіе свое значенію за-
 сѣданія и искреннее сожалѣніе, что самъ онъ ли-
 шень возможности въ немъ участвовать. 2) Изъ гель-
 сингфорскаго Александровскаго университета полу-
 чены найденные въ архивѣ Финляндскаго сената пер-
 гаментные рукописные листы, служившіе обложками
 другихъ актовъ и поступившіе оттуда въ бібліотеку
 Александровскаго университета, и нѣсколько такихъ
 же листовъ пріобрѣтенныхъ въ Финляндіи г. Норкви-
 стомъ. Полученныя Отдѣленіемъ наканунѣ, рукопи-
 си эти, въ числѣ 166 частію цѣльныхъ листовъ, ча-
 стію полулистовъ и узенькихъ полосъ, были тогда
 же переданы на просмотръ И. И. Срезневскому, ко-
 торый отдѣлилъ въ нихъ до 40 особенныхъ рукопи-
 сей; отъ однѣхъ изъ нихъ уцѣлѣли только отдѣльные
 листы, отъ другихъ сохранились довольно значитель-
 ныя части. По письму, большая часть ихъ должна
 быть отнесена къ XIV вѣку, многія къ XV и XVI вѣ-
 камъ, двѣ къ XII, остальные къ XIII вѣку. На од-
 ной рукописи XIV вѣка есть глаголическая при-
 писка.

Въ заключеніе академикъ Куникъ сообщилъ от-
 рывокъ изъ болгарской лѣтописи, указывающій на
 дѣйствія Константина Философа въ Болгаріи.

Р Ъ Ч Ъ

Предсѣдателя славянскаго комитета,
 М. П. Погодина, сказанная въ засѣданіи
 14-го февраля.

Нынѣ исполняется тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скончался Св. Кирилль, изобрѣтатель славянской грамоты, переводчикъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меодіемъ, Священнаго Писанія, просвѣтитель христіанскою вѣрою всѣхъ славянскихъ племенъ болѣе или менѣе. Тысячу лѣтъ многіе изъ нихъ пользуются благодѣяніями Свв. Кирилла и Меодія, и первое мѣсто между ними занимаемъ мы, Русскіе, удержавшіе богослуженіе введенное равноапостольными братьями во всей полнотѣ и чистотѣ. Въ сію минуту въ Божьемъ храмѣ слышали мы глаголы живота, произнесенные впервые Свв. Кирилломъ и Меодіемъ за тысячу лѣтъ, какъ будто бы только вчера они были сложены. Въ собраніи Славянскаго комитета почитаемъ священнымъ долгомъ помянуть въ этотъ знаменательный день, хотя вкратцѣ, „старыми словесы,“ великихъ славянскихъ первоучителей. Жизнь ихъ представляетъ высокое, умилительное и назидательное зрѣлище; они поражаютъ своими подвигами воображеніе и умъ всякаго мыслящаго испытателя судебъ народныхъ и человѣческихъ. Это почувствовали глубоко, выразили горячо самые первые причастники ихъ ученія.

Сочинитель службы Св. Кириллу, жившій, вѣроятно, вскорѣ послѣ него, въ концѣ IX столѣтія, срав-

ниваетъ прямо славянскаго Учителя, по случаю кончины его въ Римѣ, со Свв. первопрестольными апостолами, Петромъ и Павломъ: „Блаженъ градъ, примый *третьяго совершителя Божьяго смотренія*: той оубо верховною свѣтилоу (Петра и Павла) останки наполняя явися блаженный сей: тѣмъ же и съ нима повелѣ емоу Господь Богъ пречѣстный покой пріяти.“

Такъ точно и въ новое время между учеными люди вышаго образованія воздали трудамъ Свв. Кирилла и Меѳодія подобающую хвалу. Шлёцеръ, иностранецъ, одинъ изъ первыхъ всесторонне образованныхъ ученыхъ историковъ своего времени, начавшій преобразование своей науки, принадлежащій къ тому народу, который наименѣе способенъ чувствовать и цѣнить что либо славянское,—сказалъ, лѣтъ 70 тому назадъ, въ заключеніе своихъ изслѣдованій о трудахъ Свв. Кирилла и Меѳодія: „Привѣтствую васъ, бессмертные изобрѣтатели славянскія грамоты! Вы первые дерзнули грубый языкъ, имѣющій множество ему только свойственныхъ звуковъ, взять, такъ сказать, изъ устъ народа и писать греческими буквами; въ этомъ дѣлѣ поступили вы какъ люди отличнымъ умомъ одаренные, и для каждаго особеннаго звука, котораго грекъ не имѣлъ въ своемъ языкѣ, изобрѣли вы новые особенные знаки или буквы...“

Римскій проповѣдникъ говорилъ: „вѣрь своему священнику;“ греческій, то-есть славянскій, говоритъ: „вѣрь слову Божію, возвѣщаемому тебѣ твоимъ священникомъ; но точно ли его онъ возвѣщаетъ, смотри самъ, вотъ оно на твоемъ языкѣ.“ Этого мало; переводъ свой начинаютъ Кириллъ и Меѳодій Новымъ

Завѣтомъ, содержащимъ въ себѣ такое только нравоученіе и исторію, которыя понятны для всякаго мыслящаго человѣка при первомъ его выходѣ изъ грубаго состоянія. Изъ Ветхаго же Завѣта выдаютъ они на первый разъ только Псалтирь, книгу полезную для возбужденія благоговѣнія народнаго. Дальше Шлёцеръ объясняетъ, каково было положеніе всего Запада въ отношеніи къ принятому христіанству, сравнительно съ міромъ славянскимъ. „Вы понимаете,“ говоритъ онъ, обращаясь къ своимъ читателямъ, „что должны быть учителя религіи, учителя народа или священники, наставлятъ грубыхъ невѣждъ, исправлять порочныхъ, утѣшать больныхъ, приготовлять умирающихъ; нѣтъ, эти римско-католическіе священники не могутъ говорить съ ними, даже наружные обряды религіи должны отправлять на языкѣ непонятномъ для народа! Не возмущаетъ ли это человѣческаго разсудка? Однако же это стерпѣлъ тупой Нѣмецъ, германскій Вендъ, Полякъ, Датчанинъ, Шведъ; но не моравскій, богемскій и паннонскій Славянинъ (прибавимъ: болгарскій, сербскій, русскій). Честь и слава славянскому разсудку!“

Шлёцеръ разсматривалъ событіе съ общей отвлеченной, такъ сказать, философской, космополитической точки зрѣнія и цѣнилъ его сравнительно съ соотвѣтствующими событіями въ исторіи прочихъ народовъ. Взглянемъ на него относительно русской исторіи, относительно русской жизни, какъ она, благодаря трудамъ Свв. Кирилла и Меѳодія, слагалась, въ какомъ положеніи находится теперь и чѣмъ обѣщаетъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ сдѣлаться впредь,

Богослуженіе на родномъ общевразумительномъ языкѣ, скажу смѣло, есть краеугольный камень нашего нравственнаго состоянія, залогъ нашего будущаго развитія и преуспѣянія, и вмѣстѣ условіе до сихъ поръ нашего политическаго значенія. Если Русскій народъ не совершенно загрубѣлъ, одичалъ, не лишился человѣческаго образа ни вслѣдствіе двухсотлѣтнихъ княжескихъ междуусобій, ни вслѣдствіе почти трехсотлѣтняго ига, ни вслѣдствіе другихъ враждебныхъ событій, если не погасла въ насъ, несмотря ни на какіе бури и вихри, внѣшніе и внутренніе, искра святаго огня, способная въ счастливое время вспылать, пролить свѣтъ и теплоту на пространства неизмѣримыя, то этимъ счастіемъ обязаны мы богослуженію на родномъ языкѣ, учрежденному Свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Нѣтъ цѣны, нѣтъ мѣры, нѣтъ вѣсу для этого ихъ вѣковѣчнаго благодѣянія. Здѣсь все нравственное, сердечное, умственное до сихъ поръ сокровище Русскаго народа—говорю о большинствѣ.—„Господи помилуй,“ „Отче нашъ,“—вотъ гдѣ вся его мудрость, вотъ гдѣ его насущный благодатный хлѣбъ, которымъ онъ тысячу лѣтъ питается изъ рукъ Свв. Кирилла и Меѳодія, и который спасаетъ отъ голодной смерти его тѣло и его душу. Здѣсь вся его теологія, философія, мораль, поэзія, медицина.

Какія происшествія составляютъ сущность русской исторіи, главныя наши эпохи?

Основаніе государства,

Принятіе христіанской вѣры,

Столица Москва, собравшая Русскую землю,

Донское побоище,
 Освобожденіе Россіи отъ Поляковъ,
 Полтавская побѣда,
 Сожженіе Москвы въ 1812 году,—и самое къ намъ
 близкое, самое радостное, животрепещущее,—это
 Освобожденіе двадцати пяти милліоновъ крѣпост-
 наго народа!

Великія событія! Такъ вотъ между этими вели-
 кими событіями богослуженіе на своемъ языкѣ зани-
 маетъ первое мѣсто, рядомъ со введеніемъ христіан-
 ской вѣры при Св. Владимірѣ,—относительно благо-
 дѣтельнаго дѣйствія на совокупность всего Русскаго
 народа, въ продолженіе истекшаго тысячелѣтія.

И не только занимаетъ оно одно изъ первыхъ
 мѣстъ, но условливаетъ всѣ прочія, служитъ имъ или
 основаніемъ, или утвержденіемъ, и распространеніемъ.
 Такъ на примѣръ въ сраженіи на Куликовомъ полѣ
 душою возставшаго народа былъ Св. Сергій, а рукою
 Дмитрій Донской; такъ въ освобожденіи Москвы отъ
 Поляковъ Гермогенъ, Іоасафъ, Діонисій Палицынъ,
 участвовали столько же, какъ Пожарскій, Мининъ и
 Сусанинъ, возбуждая народъ возстать за домъ Пре-
 святой Богородицы.

Вотъ что сдѣлали для Русскаго народа Свв. Ки-
 рилль и Меѳодій.

А несчастные Болгары и несчастные Сербы, сто-
 нущіе вѣка подъ игомъ варваровъ? Чѣмъ поддер-
 живается ихъ убогая жизнь, чѣмъ питаются ихъ на-
 дежды, чѣмъ облегчается ихъ несносное бремя? Сла-
 вянскимъ Кирилловскимъ богослуженіемъ, кромѣ ко-
 тораго у нихъ нѣтъ уже совершенно ничего.

Кириллъ и Меѳодій — первые, и увѣ, по сихъ поръ послѣдніе истинные панслависты, — должны быть символомъ общаго обновленія. Славянскій церковный языкъ, языкъ Священнаго Писанія, ихъ наслѣдіе, долженъ сдѣлаться средоточіемъ связей всѣхъ славянскихъ племенъ, основаніемъ ихъ единства, условіемъ ихъ своеобразнаго развитія, средствомъ возбужденія къ новой жизни, къ освобожденію отъ всякаго ига, духовнаго и вещественнаго — языкъ прошедшій цѣло и невредимо чрезъ всѣ испытанія, чрезъ всѣ пожары и наводненія, чрезъ всѣ войны и нашествія, несмотря ни на какія козни, ухищренія и сатанинскія усилія враговъ, достигшій высокой степени совершенства по всѣмъ почти нарѣчіямъ въ твореніяхъ великихъ писателей. Языкъ — это наше сокровище, наша крѣпость, наша честь и слава, опора нашей національности, якорь нашего спасенія, залогъ нашихъ успѣховъ.

При началѣ славянской исторіи, по какому то таинственному предопредѣленію, однѣмъ и тѣмъ же рукамъ досталось разсыпять однѣ и тѣ же свѣтыя сѣмена по всѣмъ странамъ славянскимъ. О еслибы теперь, исполняющемуся тысячелѣтію, эти сѣмена, прозябшія въ продолженіе многихъ вѣковъ, въ родимой почвѣ, дали свой плодъ, еслибъ вездѣ раздались вѣщіе звуки, и встрепенулось одинаково сердце у разномыслящихъ братьевъ!

О еслибы возродились они всѣ въ единомъ любовномъ чувствѣ, и сознали себя единымъ родственнымъ семействомъ, единымъ народомъ!

Вотъ была бы достойная награда нашимъ без-

смертнымъ учителямъ, вотъ на что бы они откликнулись, кажется, съ высокаго неба, и низпослали бы намъ долу отеческое благословеніе.

Вотъ было бы вмѣстѣ и сладчайшее утѣшеніе, лучшее выраженіе нашей признательности трудамъ, усиліямъ и заботамъ дорогихъ покойниковъ, которыхъ мы въ послѣднее время, одного за другимъ, отнесли въ могилу—Шафарика, Ганку, Зубрицкаго, Коляра, Сметану, Челаковскаго, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Хомякова, Шевырева,—вслѣдъ за Милутиновичемъ, Юнгманомъ, Линде, Венелинымъ, Иннокентіемъ, Прешлемъ, Добровскимъ. Помянемъ здѣсь на праздникъ славянской любви и Мицкевича съ Лелвелемъ, оплакивая ихъ роковое ослѣпленіе. Увы! никто изъ нихъ, умирая, не могъ воскликнуть съ Симеономъ: *Нынѣ отпуцаеш, Владыко, раба Твоего по глаголу Твоему съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе Израилля!* Увы! всѣ они скончались въ душевныхъ мукахъ, не видя единаго луча надежды, истекая кровью, точившеюся изъ сердца.

Будемъ же, братія, молиться молитвами святыхъ Кирилла и Меѳодія, всѣ вмѣстѣ безъ различія вѣроисповѣданій, прощая другъ другу и врагъ врагу, будемъ молиться едиными усты и единымъ сердцемъ Милосердому Богу, *да не до конца Онъ прогнѣвается, ниже во вѣкъ враждуетъ*; будемъ молиться, да снизойдетъ къ намъ миръ, и да будетъ изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, хотя въ нравственномъ и духовномъ смыслѣ, едино стадо и единъ Пастырь!

(Моск. Вид.)

— По словамъ „Петербургскихъ Вѣдомостей,“ по случаю празднованія пятидесятилѣтняго юбилея петербургскаго университета въ тамошней Думѣ открыта подписка на стипендію въ память основателя университета, Императора Александра I; стипендія назначается для воспитанія въ университетѣ освобожденныхъ, въ царствованіе Императора Александра II, отъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Такимъ образомъ эта стипендія связываетъ между собою яркіе моменты двухъ царствованій. Въ списокѣ жертвователей стоятъ имена князей Щербатова и Васильчикова, которые подписали, говорятъ, каждый, по 300 руб.

V.

Князь Литовскій Яковъ Андреевичъ, такъ названный Ягайла.

(Ягелло-Яковъ—Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею. Изслѣдованіе М. Смирнова. Часть первая, Одесса, 1868 г., 259 и 41 стр.)

Въ исторіи здѣшняго края—*обрусьніе* его не есть явленіе новое, незнакомое. Оно было извѣстно еще въ XII и XIII вѣкѣ.

Литва, давая во времена оны свое имя всей западной Руси, было племя крайне немногочисленное, занимавшее очень и очень небольшое пространство. Усобицы русскихъ князей и татарское иго дали Литвѣ возможность расширить ея восточную и южную границы. Къ временамъ Гедимины и Ольгерда относятся

завоеванія Пинска, Витебска, Полотска, Минска, Берестья, Волыни, Кіева съ Черниговымъ, Сѣверска и Брацлава, Подоліи и пр. Уже отсюда, со стороны территоріальной и количественной, видно, что главная сила Литвы сосредоточивалась и заключалась въ областяхъ русскихъ.

Цивилизующее значеніе русской силы въ Литвѣ было велико. Этому отчасти способствовалъ бытъ самихъ литовцевъ (весьма некрасиво описанный Длугошемъ, Кибургомъ, Ваповскимъ и Энеемъ Сильвіемъ) но главнымъ образомъ—умственное и нравственное превосходство русскихъ надъ литовцами. Потому: русскіе дали Литвѣ языкъ (1), письменность, православіе, законы (см. Эней Сильвій), познакомили съ ремеслами и издѣліями (Ваповскій); русскіе строятъ въ Литвѣ крѣпости (Нарбуть), обстраиваютъ Вильну (Кибургъ), заправляютъ артиллеріей (Фойгтъ, Даниловичъ), устраиваютъ хоры и музыку (Пршедзецкій), разводятъ ленъ и разные хлѣба, занимаютъ немаловажныя должности, завѣдуютъ пограничными крѣпостями. (2) Такія могучія и коренныя завоеванія русскаго духа и мысли литовцы принимали спокойно, и мирно уживались съ русскими. О терпимости и умѣренности русскихъ говорятъ самыя католическіе источники (Кибургъ). Словомъ: обрусѣніе литовцевъ было бы полное и окончательное, еслибы Литва не бы-

1) Точнѣе: Литва усвоила себѣ русскій языкъ.

2) Съ такимъ величественнымъ шествіемъ древняго обрусѣнія Литвы хотѣло спорить латинство, съ рыцарями во главѣ. Проповѣдуя мечемъ и пожарами, латинскіе миссіонеры возбудили къ себѣ ненависть литовцевъ. Припомнимъ избіеніе францискановъ въ Вильнѣ и Лидѣ.

ла, хотя и насильно, присоединена къ Польшѣ въ 1386 г. ¹⁾.

Поворотъ этотъ въ западно-русской исторіи и личность Ягайлы составляютъ предметъ изслѣдованія одесскаго профессора М. П. Смирнова. Заглавіе этой любопытной и обстоятельной книги, бросающей новый лучъ свѣта въ минувшія судьбы сѣверо-западной Руси, выписано нами выше.

Первая часть изслѣдованія г. Смирнова состоитъ ²⁾ изъ вступленія (1—9), содержащаго въ себѣ предварительныя историческія свѣдѣнія, и шести главъ. Глава первая (10—50) предлагаетъ рассказъ о сыновьяхъ Ольгерда и краткій очеркъ событій до 1386 г.; вторая глава (51—92)—исторія Польши въ XIV в. до пріѣзда сватовъ отъ Ягайлы, или иначе: описаніе шляхетской суматохи и безурядицы, обдираніе кре-

1) Съ того времени и до настоящаго утекло воды не мало. Западная Русь, поглотившая Литву, осталась тою же западною Русью, не смотря на многовѣковыя всяческія враждебныя усилія стереть слѣды древняго обрусѣнія маленькаго собственно-литовскаго клочка земли и литовскаго племени, именовъ котораго поляки хотѣли прикрыть свои стремленія и виды на всю западную Русь, ополячить ее, это достоиніе Руси еще удѣльной. *Литвы*, какъ термина территоріальнаго, законодательною властью освященнаго, теперь не существуетъ. Воспоминаніе о Литвѣ, о ея набѣгахъ, хранится еще въ памятникахъ русскаго народнаго творчества съ эпитетомъ поганая (*paganicus*), некрещенная. Кромѣ того, терминъ этотъ встрѣчается и поддерживается въ польской литературѣ, наравнѣ съ *московю*, *москалями*, *москевскимъ* и пр. И еще терминъ сей мы читаемъ на вывѣскѣ мѣстной православной семинаріи, консисторіи, епархіальныхъ вѣдомостей, и—въ титулѣ православнаго виленскаго владыки. Сей остатокъ тѣмъ болѣе рѣзокъ, безцѣленъ и необъяснимъ, что правительство давнымъ-давно вычеркнуло эти эпитеты изъ генераль-губернаторскаго титула, бывшей литовско-гродненской губерніи, Курьера литовскаго, переименованнаго въ Курьера Виленскаго и наконецъ—въ Виленскій Вѣстникъ.

2) Почтенный изслѣдователь не счелъ, къ сожалѣнію, нужнымъ приложить къ своей книгѣ (не говоря уже объ указателѣ) ни содержанія главъ, ни просто оглавленія, ни даже предисловія.

стьянъ, срываніе сеймовъ, нынче—клятвы и обща-
нія, завтра—нарушеніе ихъ; третья глава (93—140)—
очеркъ отношеній Литвы къ Польшѣ съ начала XIII
в.; четвертая глава (141—180)—судьбы православія
и латинства въ Литвѣ; пятая глава (181—194)—
обращеніе Литвы въ латинство; шестая глава (195—
230)—событія послѣдующія до возвышенія Витовта.
Ко всему этому г. Смирновъ приложилъ переводъ
дневника Кибурга.

Съ первымъ словомъ („Ягелло“), находящимся въ
заголовкѣ изслѣдованія г. Смирнова, мы не согласны.
Настоящая, коренная литовская форма есть *Ягайла*,
Якгайла (встрѣчающаяся въ цѣлыхъ десяткахъ ста-
ринныхъ документовъ), но не *Ягелло*, это—форма
польская, съ легкимъ итальянскимъ душкомъ, какъ
наприм. *Козелло* (фамилія одного изъ мѣстныхъ по-
мѣщиковъ). Между тѣмъ сама исторія, которую въ
здѣшнемъ краѣ паны такъ любятъ, не даетъ права
на такую измѣну своей фамиліи. Въ связкѣ (№ 52)
виленскаго гродскаго суда за 1631 г. фамилія земля-
нина (т. е. землевладѣльца, помѣщика) *Козла* встрѣ-
чается во всѣхъ надежахъ, напр. въ именит. *Козель*,
но не *Козелло*. Еще нѣсколько примѣровъ: вм. *Тыш-*
ковичъ (отъ предка *Тышко*)—Тышкевичъ, вм. *Рад-*
зивилъ—Радзивилъ, вм. *Тьхановскій*—Цѣхановскій. Въ
названіяхъ мѣстностей видимъ тоже самое превраще-
ніе, не свободное, не историческое, но дѣланное, на-
сильно навязанное. Приемъ этотъ заимствованъ по-
ляками у рыцарей-нѣмцевъ, и надо сознаться—это
средство поляченія и нѣмченія сѣверо-западной Руси
и Балтійской окраины—одно изъ сильныхъ. Силу

эту поляки испытали въ Познани на собственной спинѣ. Ополяченныхъ названій русскихъ мѣстностей нами собрано достаточно. Пока приведемъ одинъ любопытный примѣръ (изъ той же связки № 52), дающій возможность заключать отъ него къ прочимъ мѣстнымъ названіямъ (Ortsnamen), оканчивающимся на—*яны*. Въ XVII в. въ виленскомъ повѣтѣ находилось (и въ настоящее время есть) имѣніе *Ворнянское* (прилаг. форма), *Ворняны* (сущ. ф.); въ одномъ изъ документовъ помянутой связки мы встрѣтили, рядомъ съ *Ворнянское*, *Ворняны*, форму первообразную—*Вороны* (объ этомъ имѣніи упоминается уже въ XV ст., см. Балинскій). Очевидно, что отъ этого первообраза составила прил. ф. *Воронянское*, *Ворънянское*, *Ворнянское*; а отсюда, по уеѣченіи, *Ворняны*. Тоже самое должно сказать объ имѣніи *Мостовляны* (первообразъ *Мосты*). Сюда, разумѣется, не можетъ подойти названіе лежащей близъ Вильны мѣстности *Тускуляны*, заимствованное отъ *Tusculum*, города въ Лаціумѣ.

Возвращаясь къ изслѣдованію г. Смирнова, должно замѣтить, что матеріаловъ о времени Ягайлы и изслѣдованій издано и напечатано поляками не мало. Какъ поляки, такъ и г. Смирновъ пользовались одними и тѣми же источниками и пособіями; пришли же къ выводамъ весьма противоположнымъ. Это понятно. У поляковъ чуть ли не на каждомъ шагу преднамѣренная подтасовка извѣстій, ложь натяжки, отсутствіе исторической критики и честнаго, прямаго взгляда. Всѣ эти махинаціи польскихъ ученыхъ на-голову разбиты одесскимъ профессоромъ Смирновымъ. Особенно пострадалъ бѣдный Шайноха (его

сочиненіе Iadwiga i Jagello, 1861 г.), на которомъ г. Смирновъ подробно остановился (см. стр. 156, 162, 165, 166, 168, 170 и 172); вотъ что наприм. говорится о Шейнохѣ: „устранять прямое и ясное свидѣтельство на томъ только основаніи, что это, *по всей вѣроятности* (!?), ошибка, и въ доказательство того приводить ошибки, встрѣчающіяся у разныхъ лѣтописцевъ, можетъ только такой писатель, какъ Шайноха, который очень искусно толкуетъ источники, сообразно съ своею предвзятою мыслию“ (стр. 172). Нарбутъ и Малиновскій, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, также опровергнуты (стр. 35 и 170).

Источниками и пособіями г. Смирнову служили, главнымъ образомъ, слѣдующіе: Длугошъ, Вигандъ, Стрыйковскій, Ваповскій, дневникъ Кибурга, *codex diplomaticzny Litwy* Рачинскаго (Эдуарда), *Skarbiec* Даниловича, *Latopisiec* его же, Альбертранди, Шайноха, Нарбутъ, Пршедзецкій, Ярошевичъ, Фойхтъ, Голембевскій, Кояловичъ (Вуйкъ). Источники и пособія, какъ видитъ читатель, все польскіе и католическіе. Только въ двухъ мѣстахъ, и то въ подтвержденіе польскихъ источниковъ, авторъ сослался на двѣ русскія лѣтописи, воскресенскую и никоновскую! Соображая источники и выводы изъ нихъ, изслѣдованіе г. Смирнова пріобрѣтаетъ особую цѣну.

Результаты первой части изслѣдованія г. Смирнова слѣдующіе:

Ольгердъ, сынъ Гедимины (1), имѣлъ первую жену

1) На стр. 156-й г. Смирновъ выражаетъ догадку, что всѣ сыновья Гедимины, за исключеніемъ Кейстута, были православные.

Марію, княжну Витебскую, а вторую Юліанну, княжну Тверскую (стр. 10; Стрыйковскій, Нарбутъ). Женившись на Юліаннѣ, Ольгердъ принялъ ради нея православіе (стр. 156—158; Нарбутъ, Кибуртъ). Въ крещеніи Ольгердъ былъ названъ Андреемъ; объ этомъ свидѣтельствуется надпись на евангеліи XV в., принадлежавшемъ виленской Пречистенской церкви, которое видѣлъ Нарбутъ (*Pomniejsze pisma historyczne*, 83): „великій князь Андрей Гедиминичъ, во святой схимѣ Алексѣй, усопше на память св. мучениковъ Платона и Романа;“ это подтверждается русскими лѣтописями, особенно—никоновскою. Старшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ любимымъ сыномъ Юліанны былъ *Яковъ* ¹⁾, по отцу *Андреевичъ*, перефразированный по литовски въ *Ягайлу*. Дѣло ясное и понятное, что любимый сынъ княгини Юліанны, извѣстной своею ревностью къ православію (стр. 152), долженъ былъ исповѣдывать христіанство по греко-россійскому обряду. Но сей очевидный историческій фактъ, понятный и для дѣтей малыхъ, упорно отрицается польскими учеными своевольниками. Послѣ опроверженій сего своеволія и доказательствъ г. Смирнова о православіи дѣтей Ольгерда, особенно Ягайлы (стр. 158—175), и вообще о пра-

1) Въ рукописи трокскаго бернардинскаго монастыря Нарбутъ прочель извѣстіе о древнемъ колоколѣ этого монастыря, имѣвшемъ слѣдующую церковно-славянскую надпись: «Се азъ рабъ Божій Яковъ Ондреевичъ съ матерью своею Ульяною Александровною.... В. К. Л. дали есмо сей колоколъ улить въ церковь св... еве. Параск... въ Вильни, во вики 6887» (1379 г.). См. Нарбутъ, *romn. p. histor.* 98—100. Имя «Яковъ» подтверждается воскресенскою лѣтописью. При семъ нельзя не вспомнить о колоколѣ Шедибора Волимонтовича 1420 г., найденномъ А. В. Рачинскимъ и хранящемся въ виленской публичной библіотекѣ.

вославіи въ Литвѣ ¹⁾ (стр. 149—156),—держаться относительно этого польскихъ выдумокъ и натяжекъ было бы весьма непростительнымъ и даже постыднымъ упрямствомъ.

Для характеристики Якова Андреевича (alias Ягайлы) можно припомнить годъ куликовской битвы, когда противъ татаръ, рядомъ съ Димитріемъ Донскимъ, бились два литовскихъ князя Андрей Полотскій и Димитрій Корибуть Брянскій, а сторону невѣрныхъ держалъ Яковъ Андреевичъ. Сію странность объясняютъ ненавистью къ московскому князю, которую, будто бы, Яковъ Андреевичъ всосалъ съ молокомъ матери, происходившей изъ извѣстнаго своею ненавистью къ Москвѣ дома тверскихъ князей. На это г. Смирновъ замѣчаетъ: „Не скорѣе ли слѣдуетъ видѣть въ этомъ противоестественномъ союзѣ съ татарами продолженіе той завоевательной дѣятельности противъ Руси вообще, которою давно уже отличались литовскіе князья?“ (стр. 13). Для характеристики Якова Андреевича можетъ служить также коварный захватъ дяди своего Кейстута и его умерщвленіе, и такое же, хотя и не удавшееся, покушеніе на Витовта.

Въ отношеніяхъ своихъ къ сосѣдней Польшѣ Яковъ Андреевичъ шествовалъ по пути своихъ предковъ, нападавшихъ и опустошавшихъ преимущественно Мазовію и судомирскую и краковскую земли (стр. 93). Нашествіе его на Польшу въ 1384 году (стр. 98—99) въ конецъ устрало польскихъ пановъ, ко-

1) Между прочимъ подтверждается, со словъ Нарбута, православіе Городны (стр. 163).

торые ухватились за мысль женить Якова Андреевича на Ядвига и соединить Литву съ Польшей, ибо „тогда паны не только спокойно будутъ пользоваться тѣмъ, что имѣли, но справедливо могутъ рассчитывать, что литовскій князь, которому они доставятъ прекрасную жену съ короной въ приданое, отблагодаритъ ихъ новыми пожалованіями и новыми богатствами“ (стр. 100). Польское духовенство поддержало эту мысль, ибо главнымъ условіемъ брака Якова Андреевича на Ядвига былъ переходъ его съ народомъ въ латинство. Послы отправились въ Литву съ предложеніемъ и условіями, которыя были приняты Яковомъ Андреевичемъ, и отъ него вскорѣ поѣхали въ Краковъ сваты.

Не смотря на все отвращеніе свое къ литовскому князю и состоявшееся уже обрученіе съ Вильгельмомъ австрійскимъ, молодая польская королева Ядвига была насильно приневолена панами и ксендзами къ браку, вѣрнѣе—продана. Покупка эта обошлась для западной Руси весьма дорого: Яковъ Андреевичъ продалъ вѣру, народность и политическую самостоятельность западной Руси, на долго оторвалъ ее отъ восточной. Литовскіе бояре сильно этому противились.

Въ заключеніе предлагаемъ краткое описаніе тѣлесной и нравственной фізіономіи Якова Андреевича. Во время сватовства ему было около 34 лѣтъ. Ростъ средній, голова маленькая, заостренная къ верху, почти обнаженная; лице продолговатое, худое, сѣуженное къ подбородку; глаза маленькіе черные, бѣгающіе изъ стороны въ сторону; большіе уши; худое тѣло; длинная шея; длинныя, но тонкіе усы; голосъ гру-

бый, рѣчь отрывистая (стр. 111; Длугошъ, Нарбутъ) ¹⁾. Яковъ Андреевичъ лѣнивъ безгранично; государствомъ управляютъ за него другіе; до полудня спить, потомъ идетъ въ баню, а остальную часть дня ѣсть; вина не пьетъ; умъ его слабъ и не развитъ. Предразсудки его доходятъ до нелѣпости. Такъ наприм. „много заботился онъ, чтобъ, вставая съ постели, не стать прежде лѣвою, а непременно правою ногою; брѣя бороду, онъ собиралъ срѣзанные волосы и обмывалъ ихъ чистою водою, что должно было имѣть какое-то благотворное послѣдствіе; выходя изъ дома, онъ всегда три раза повертывался на одной ногѣ и три же раза бросалъ за себя сломанную соломенку“ (стр. 113. Нарбутъ). Къ довершенію всего, Яковъ Андреевичъ (Ягайла) *не грамотенъ*, не умѣетъ ни читать, ни писать (стр. 115; Нарбутъ).

II. Г.

(Вил. Вѣстникъ.)

VI.

МОЛИТВА.

Какъ плаватель, борясь съ волнами моря,
Свой къ порту направляетъ путь,
Гдѣ, съ бурными стихіями неспоря,
Свободно можетъ онъ вздохнуть:

1) Длугошъ увѣряетъ, что такая фізіономія производила пріятное (!) впечатлѣніе. Едва ли! У Балинскаго въ его исторіи Вильны есть портретъ Якова Андреевича; но онъ совершенно не похожъ на подробное описаніе Длугоша и Нарбута, на основаніи котораго, какъ мы слышали, академикъ И. П. Трутневъ предполагаетъ воспроизвести своимъ искуснымъ карандашомъ личность Якова Андреевича (Ягайлы тожь).

Такъ человекъ, измучась въ тяжелой битвѣ—
 Съ людьми, съ судьбою и съ собой,—
 Какъ къ пристани, спѣшитъ къ святой молитвѣ,
 Чтобъ въ ней обрѣсть души покой!

И усладительна бесѣда съ Вѣчнымъ!
 Не съ жалобой идемъ къ Творцу,—
 А съ кротостью, съ раскаяньемъ сердечнымъ,—
 Какъ чада—къ нѣжному отцу.

Въ смиреніи, съ поникшими главами
 Насъ застаеть молитвы часъ,
 И, ницъ упавъ, смиренія словами,
 Взываемъ мы: *Помилуй насъ!*

Ты Сына Своего послалъ намъ въ искупленье,
 И пролилъ Онъ за насъ свою честную кровь,
 Прости-же, Господи! намъ наши прегрѣшенья,
 Не гнѣвъ яви намъ Свой, — а благодать и
 любовь.

А Ты, Сынъ Господа, Христосъ и нашъ Спаситель,
 Услышь и Ты меня и свыше укрѣпи,
 Будь мой святой покровъ, мой щитъ и мой хра-
 нитель!

И многогрѣшнаго очисти и прими!

Тобой искупленный—Твое я достоянье—
 Я Твой! врагамъ Твоимъ не выдамъ тайныя,
 Какъ Іуда—я не дамъ предательски лобзанья;
 Но какъ *разбойникъ тотъ*,—я признаю Тебя.

И исповѣдую и вѣрую,— о Боже!

Смиряюсь предъ Тобой и покоряюсь во всемъ
Я, какъ разбойникъ тотъ, къ Тебѣ взываю тоже:
„О! помяни меня во Царствіи Твоемъ!“

Полковникъ *Кори.*

VII.

ВЪ ПАМЯТЬ МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО

ІОСИФА,

ПОЧИВШАГО 23 НОЯБРЯ 1868 ГОДА.

И такъ достойнѣйшій, Литовскій нашъ Святитель,
Добрѣйшій пастырь нашъ, добрѣйшій нашъ Отецъ!
Языка нашего и Вѣры воскреситель,
Оставилъ ты насъ всѣхъ—и агнцевъ и овецъ!

Жалѣемъ мы тебя, жалѣемъ всѣ не мало;

Ты былъ еще не старъ, и духомъ ты былъ бодръ,
И не ожиданно для насъ тебя не стало,—

И рано скрылъ отъ насъ тебя гробовой одрѣ!...

Какъ вспомнимъ старое—отцовъ быть уніятскій,—

Кривавые труды, ихъ бѣдность и позоръ,—

Пановъ—коляторовъ и ихъ ксендзовъ духъ адскій,
Смущается отъ нихъ еще теперь нашъ взоръ!

И гдѣ же это все? Въ другой мы свѣтъ попали!..

Теперь намъ хорошо—того не можемъ скрыть,—

Всѣ эти господа для насъ другими стали,

Когожъ, какъ не тебя, за то благодарить?

Бывало польскій ксендзъ для насъ ума палата!

Имъ удивлялись мы, какъ вещи не земной!

Теперь ученость вся плебана и прелата
Для насъ не болѣе—одинъ пузырь мыльной.

Чья-жъ добрая рука для насъ глаза открыла?
Кто указаль намъ путь къ источникамъ ума?
Твоя, Отецъ нашъ, все рука намъ сотворила,
Что знаемъ, гдѣ есть свѣтъ и гдѣ гнѣздится тьма!
Какъ недавно еще, по простотѣ сердечной,
Съ увѣреньемъ дѣтей, твердили намъ отцы,
Что Православные блаженной жизни вѣчной
Не узрятъ;—что они по вѣрѣ все слѣпцы.

Но ты далъ испытать Писанія имъ въ руки;
Глаголы вѣчнаго открылъ имъ живота,
И вотъ узнали свѣтъ они, сыны ихъ, внуки,
И папская, какъ дымъ, развѣялась мечта!
А нашъ простой народъ, а наши земледѣльцы?
Ихъ вѣра—навыкъъ, такъ; но навыкъ ихъ отцовъ:
И этотъ навыкъ ихъ священнѣй, ихъ владѣльцы
Задумали уже привести къ концу концовъ!

Но Богъ смиреннымъ внявъ мольбамъ твоимъ, Свя-
титель!

Врага и местника разрушилъ злобный ковь,
И Александръ Второй—Россіи Повелитель—
Избавилъ сей народъ отъ крѣпостныхъ оковъ!
И рушилась ксендзовъ послѣдняя опора!
И православный людъ, припомнивъ старыи ладъ,
Свободный отъ угрозъ и всякаго позора,
Идетъ къ своимъ церквамъ—съ охотою назадъ!

На языкѣ родномъ одна молитва льется
Изъ сердца каждаго къ Владыкѣ горнихъ силъ;
И радостью у всѣхъ Литовцевъ сердце бьется,
И эту радость ты, Владыко, ощутилъ!

Но здѣсь, какъ нѣкогда Моисей богоизбранный,
 Понесши на себѣ всю тяжесть и труды,
 Взглянувши на конецъ отъ нихъ тобой желанный,
 Ты предоставилъ намъ вкушать ужь ихъ плоды!
 И сбудутся твои сердечныя желанья!
 И намъ, мы вѣруемъ, Навина Богъ пошлетъ;
 И кончатся для насъ насмѣшки и страданья
 И будетъ Русскимъ вновь—Литовскій весь народъ!
 И даже тамъ—вдали держимый въ заблужденьи
 Приникнетъ въ чудное явленье унїать;
 И голову свою преклонитъ въ умиленьи
 И броситъ папскую и вѣру и нарядъ!
 И порванная Русь опять соединится;
 Замолкнетъ воющій безчувственный органъ;
 И будемъ снова все безъ трескотни молиться,
 Какъ прежде, органомъ, какой намъ Богомъ данъ!..
 И помянутъ тебя по насъ все наши роды,
 Какой ты пастырь былъ, какой для насъ отецъ,
 Какія до тебя терпѣли мы невзгоды,
 И кто имъ положилъ спасительный конецъ!
 И задрожать у нихъ отъ радости все нервы,
 Когда воспоминать начнутъ твои дѣла;
 И имя славное твое, Иосифъ, первый
 Митрополитъ Литвы, — имъ будетъ похвала! ¹⁾

Священникъ *Іоаннъ Чернышевичъ.*

1868 года.
С. Ковали.

1) Почтенный авторъ сего стихотворенія, между прочимъ, сообщилъ въ редакцію Лит. Епар. вѣдомостей,—если она найдетъ возможнымъ отпечатать оное на своихъ страницахъ, то онъ желалъ бы, чтобы оно напечатано было еще отдѣльною брошюркой въ нѣсколькихъ экземплярахъ и разслано во все народныя училища литовской епархіи;—что редакція съ своей стороны, по возможности, постарается исполнить.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Новыя пожертвованія высокопреосвященнаго Арсенія, митрополита кіевскаго и галицкаго.

1. Господинъ сьнодальный Оберъ-Прокуроръ предложениемъ довелъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Сьнода, что, по представленію правленія кіевской духовной семинаріи и донесенію Преосвященнаго костромскаго, онъ имѣлъ счастье до Высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора о принесеніи Преосвященнымъ Митрополитомъ кіевскимъ въ даръ кіевской семинаріи и мѣстнымъ духовнымъ училищамъ подольскому и софійскому по 1,000 рублей на каждое учрежденіе, для употребленія процентовъ въ пособіе на содержаніе бѣдныхъ воспитанниковъ и, независимо отъ сего, о пожертвованіи его преосвященствомъ 5,000 рублей въ костромскую епархію, изъ коихъ 500 рублей въ пользу причта Троицкой церкви въ селѣ Воронѣ, а остальные на монастыри, для употребленія процентовъ на поминавленіе, и что Его Императорское Величество, по всеподданнѣйшему о семъ докладу въ 10 день минувшаго декабря, Высочайше повелѣть соизволилъ благодарить.

2. Господинъ Оберъ-Прокуроръ предложилъ Святѣйшему Сьноду, что онъ, по представленію правленія кіевской духовной академіи, имѣлъ счастье до Высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора о принесеніи кіевскимъ Митрополитомъ въ даръ кіевской духовной академіи 2,000 руб., для употребленія процентовъ съ нихъ въ пособіе при

изданіи полезныхъ книгъ и брошюръ въ духѣ православной церкви. Его Императорское Величество, на всеподданнѣйшемъ докладѣ по сему предмету въ 9-й день минувшаго ноября, соизволилъ написать собственноручно: „Благодарить.“

Пожертвованіе книгъ въ бібліотеку симбирской семинаріи.

Господинъ исправлявшій должность синодальнаго Оберъ-Прокурора предложилъ Святѣйшему Синоду, что покойный ректоръ казанской духовной академіи, архимандритъ Иннокентій, по духовному завѣщанію, утвержденному казанскою Палатою гражданскаго суда, оставилъ въ пользу бібліотеки симбирской духовной семинаріи принадлежащія ему книги, въ количествѣ 642 наименованій, составляющихъ 1,398 томовъ.

Пожертвованіе отъ архіепископа Платона въ пользу донской семинаріи.

Господинъ синодальный Оберъ-Прокуроръ предложилъ Святѣйшему Синоду, что открытіе донской семинаріи, совершившееся 1-го октября 1868 года, преосвященный Платонъ архіепископъ донской ознаменовалъ пожертвованіемъ а) 240 экземпляровъ собственныхъ книгъ, для передачи оныхъ навсегда въ составъ семинарской бібліотеки, и б) тысячу рублей, съ тѣмъ, чтобы деньги эти положены были въ одно изъ кредитныхъ учрежденій и составляли неприкосновенную собственность донской семинаріи, а проценты съ нихъ ежегодно выдавались, при окончаніи семинарскаго курса, одному или двумъ ученикамъ VI-го класса семинаріи, которые при честномъ пове-

деніи, будутъ превосходить товарищей своихъ успѣхами въ наукахъ.

IX.

О вакантныхъ наставническихъ мѣстахъ въ семинаріяхъ.

Отъ правленія херсонской духовной семинаріи.

Правленіе херсонской духовной семинаріи покорно проситъ редакцію напечатать въ „Духовной Бесѣдѣ“ объявленіе объ открывшейся въ херсонской семинаріи вакантной каѳедрѣ латинскаго языка, съ присовокупленіемъ, что на означенную каѳедру правленіе семинаріи не имѣетъ въ виду кандидата.

Отъ правленія полтавской духовной семинаріи.

Въ полтавской семинаріи, за смертію профессора протоіерея Николая Клепачевского, имѣется наставническая вакансія по классу нравственнаго богословія и гомилетики, на которую правленіе семинаріи предполагаетъ принять бывшаго наставника полтавской семинаріи, а нынѣ воспитателя полтавской Петровской военной гимназіи Георгія Богдавленскаго, прошеніе котораго объ опредѣленіи его наставникомъ на означенную каѳедру разсматривается въ настоящее время въ педагогическомъ собраніи правленія полтавской семинаріи.

Отъ правленія смоленской духовной семинаріи.

Отъ правленія смоленской духовной семинаріи объявляется, что при смоленской семинаріи въ настоящее время находится свободная вакансія одного преподавателя богословскихъ наукъ и двухъ помощниковъ

инспектора и что семинарское правленіе для замѣщенія вакансіи преподавателя богословскихъ наукъ предполагаетъ принять помощника инспектора смоленской семинаріи Александра Бѣляева, прочитавшаго три пробныхъ лекціи въ педагогическомъ собраніи, для замѣщенія же вакансій помощниковъ инспектора согласно принять кандидатовъ изъ воспитанниковъ московской духовной академіи, окончившихъ курсъ въ настоящемъ году.

Отъ правленія херсонской духовной семинаріи.

Имѣвшіяся при семинаріи вакансіи преподавателей и помощника инспектора въ настоящее время замѣщены, а именно:

Преподавателемъ основнаго, догматическаго и нравственнаго богословія назначенъ, 22 августа сего 1868 года, окончившій курсъ наукъ въ казанской академіи Василій Анисимовъ.

Преподавателемъ гомилетики и литургики назначенъ, 22 августа, окончившій курсъ наукъ въ казанской академіи Евлампій Арнольдъ.

Вторымъ преподавателемъ греческаго языка назначенъ, 22 августа, окончившій курсъ наукъ въ казанской академіи Николай Брондеровъ.

Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ назначенъ, 2-го августа, окончившій курсъ въ московской академіи Ѳома Еленевскій.

Преподавателемъ психологіи, обзора философскихъ системъ и педагогики назначенъ, 8 октября, окончившій курсъ наукъ въ московской академіи Александръ Боголѣповъ.

Къ исправленію должности помощника инспектора допущенъ съ 5 сентября, на трехмѣсячное испытаніе, окончившій курсъ наукъ въ кievской академіи Александръ Рудановскій.

Всѣ означенныя лица вступили уже въ исправленіе своихъ должностей, кромѣ назначенныхъ преподавателя бокословія Василя Анисимова и преподавателя физико математическихъ наукъ Ѳомы Еленевскаго. Преподаваніе богословія временно поручено преподавателю гомилетики и литургики Евлампію Арнольдovu, а преподаваніе физики и математики—кандидату московскаго университета Павлу Христичу.

Содержаніе № 5.

I. Распоряженія Святѣйшаго Синода. II. О качествахъ, необходимыхъ для истиннаго пастыря церкви, по ученію слова Божія (Іоан. 10, 1—16). III. Извлеченіе изъ журналовъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ (продолженіе). 5. По исторіи Русской Словесности. IV. 14-е Февраля въ Петербургѣ. Рѣчь предѣдателя славянскаго комитета, М. П. Погодина, сказанная въ засѣданіи 14-го Февраля. V. Князь Литовскій Яковъ Андреевичъ, такъ названный Ягайла. VI. Молитва. VII. Въ память митрополита Литовскаго и Виленскаго Іосифа, почившаго 23 Ноября 1868 года. VIII. Пожертвованія. IX. О вакантныхъ наставническихъ мѣстахъ въ семинаріяхъ.

Дозволено Цензурою. 1—15 Марта 1869 года. Вильна.

Въ Типографіи О. Блюмовича, на Рудницкой улицѣ въ д. Огинскаго.